

Александр Ермак

НОЧЬ РЫЖЕЙ ЛУНЫ

Москва – 2019

Александр Ермак

Ночь рыжей луны

«Автор»

2019

Ермак А.

Ночь рыжей луны / А. Ермак — «Автор», 2019

Молодой талантливый полицейский ожидает очередного повышения по службе, однако кто-то хочет не только помешать его карьере, но и разрушить всю его жизнь. Расследование дела о найденной в реке части женской руки оказывается очень непростым. Сержа подставляют, подозревают, пытаются убить. Но у него есть ум, воля, друзья, а также весьма неожиданный помощник – Рыжая Луна. Правда, ночное светило живет по своим неземным законам...

© Ермак А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

1. «Что это?»	5
2. «Выстрелы на Провинциальной»	14
3. «Будь, что будет!»	23
4. «Спасение Бешеного кота»	32
5. «Труп на улице Роз»	41
6. «Встреча с учителем»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Ермак

Ночь рыжей луны

1. «Что это?»

– Что это? – Серж непонимающе глядел в руки шефа.

Бертоф осторожно положил на стол прозрачный полиэтиленовый пакет:

– А ты подойди поближе, наверняка сам догадаешься.

Серж придвинулся вплотную к столу начальника полиции, внимательно рассмотрел содержимое пакета. Потом взял его за край и поднял перед собой, оглядывая со всех сторон. Внутри пакета лежал набор тонких, узловатых, скрепленных между собой палочек. В некоторых местах они были прикрыты обрывками серой ткани, в некоторых голо белели.

– Без сомнения, – заключил Серж, – это кисть руки.

– Правильно, – одобрил шеф.

Серж улыбнулся:

– Я же проходил анатомию. Нам в школе полиции такие штуки показывали.

Бертоф кивнул:

– А что ты можешь сказать именно об этой кисти?

Серж еще раз внимательно осмотрел содержимое пакета:

– Судя по размерам костей, кисть принадлежала женщине или девушке...

– Верно, – согласился шеф.

– Судя по срезу костей, от остальной части руки она была отсечена.

– Очень на то похоже.

– Ну и, судя по состоянию тканей, кисть длительное время пролежала в растворе. Скорее всего, в физиологическом. Например, в музее или в медицинской лаборатории...

На этот раз Бертоф отрицательно покачал седой коротко стриженной головой:

– Увы, мой дорогой друг. Эту кисть мне прислали сегодня не из музея и не из лаборатории. Она попала в рыбацкую сеть, поставленную ниже по течению Грая. Человек, выловивший кисть, передал ее патрульному полицейскому.

Серж встрепенулся:

– Не может быть! У нас в городе не было зарегистрировано ни убийств, ни исчезновений.

– Это так, – развел руками шеф. – Но, тем не менее, часть человеческого организма перед нами. Я, конечно, отдам кости на экспертизу. Но ведь ты и сам все верно описал: это кисть женщины или девушки, пролежавшая долгое время в растворе. В данном случае в речной воде. Скорее всего, даже не пролежавшая, а откуда-то принесенная течением... Как ты думаешь, откуда?

Серж следом за Бертофом перевел взгляд на карту, что висела над столом. Шеф встал, снял очки в тонкой оправе, протер их платочком, снова надел и, проведя пальцем по извивающейся ленте реки, указал точку:

– Рыбак выловил ее вот тут: в десяти километрах от города.

Серж согласился:

– Да, похоже, действительно принесло из Сен-Бьена.

– И как ты думаешь, из какого района?

Думать здесь было особо нечего. Карта сама все показывала. Провинцию, центральным городом которой был Сен-Бьен, с трех сторон окружали непроходимые горы, только с севера – невысокие холмы, через которые уходили дороги во внешний мир. С ледника южных гор стекает река Грай и через город, через всю долину Провинции устремляется "за холмы". Сен-

Бьен немного неправильной круглой формы. С востока и юга к нему примыкает лес, быстро переходящий в предгорье. С запада и севера – поля, тянущиеся до самых границ Провинции – до гор и холмов. Весь город на карте поделен на четыре сектора (как часовой циферблат): «12–15», «15–18», «18–21» и «21–24». Грай протекает через северо-восточную часть Сен-Бьена внутри сектора «12–15», разделяет его. Правая от реки часть – Старый город, за которым начинается лес предгорья. Левая часть сектора – новостройки. С этой же стороны к реке примыкает городской парк.

Серж так и сказал:

– Чего тут думать. Грай протекает только по моему району.

Шеф кивнул и, вернувшись в кресло, снова посмотрел на инспектора вопросительно:

– Говоришь, и у тебя не было ни убийств, ни исчезновений?

Серж развел руками:

– Разве бы я не доложил? Чтобы убийство, исчезновение... Вообще, когда у нас в городе что-либо подобное было?

– Давненько не было, – Бертоф признал правоту инспектора, – даже и не вспомнить сразу. В архивы надо лезть... Что думаешь делать?

– Как что? – изумился Серж. – Расследовать.

– Именно! – одобрил шеф. – Хотя от граждан города и не было заявлений по этому случаю, мы обязательно должны во всем разобраться, и, если это преступление, найти негодяя, наказать его по закону. Справедливость должна обязательно восторжествовать, чтобы зло не повторилось. Следует остановить этого преступника как можно раньше, пока он не натворил чего-либо еще в нашем замечательном городе. В нашем тихом спокойном городе.

– Конечно, – с готовностью согласился Серж. – Я сделаю все от меня зависящее. Не сомневаюсь: мы обязательно найдем преступника.

Шеф тем временем, еще раз посмотрев на карту, перевел взгляд на висящий рядом с ней календарь:

– Сегодня девятое июня. Гляди, до тридцатого всего три недели осталось. Как не вовремя-то...

Серж, также посмотрев на календарь, поморщился:

– Очень не вовремя: у меня ведь еще...

– Не беспокойся, – подал голос до этого безмолвно стоящий у двери помощник Сержа, с которым они оба были вызваны к начальнику полиции. – Конечно, у тебя такая важная личная дата, и к ней столько дел нужно успеть переделать. Думаю, можешь спокойно взять краткосрочный отпуск, а я тем временем возьмусь за этот случай, – глянул на шефа, – Надеюсь, начальство не против?

Бертоф снова поднял со стола пакет с отсеченной женской кистью, повертел его в руках, потом посмотрел на подчиненных:

– Начальство не против и все поймет. Но пусть Горевски сам решает...

Серж снова перевел взгляд на календарь. Еще вчера все было известно, распланировано наперед, работа нисколько не мешала так счастливо складывающейся личной жизни.

– А чего решать? – торопливо продолжил помощник инспектора. – Я же район прекрасно знаю, справлюсь.

Шеф пожал плечами:

– Думаю, справишься, – задумался, – Значит, Горевски уходит в отпуск. Что ж, все через это проходят рано или поздно: дело нужное и... приятное в определенные моменты. Можно только пожелать...

Серж, однако, не дал договорить начальнику, оторвав взгляд от календаря, решительно возразил:

– Личные дела могут и подождать. Действовать нужно быстро: и чтобы не допустить новых преступлений, и чтобы успеть... – снова посмотрел на календарь, – ко Дню города. А моя... моя дата, она никуда не денется.

Бертоф, как показалось Сержу, одобрительно кивнул:

– Ну, что ж, берись за дело. И, – посмотрел на явно недовольного Лео, – не забывай про своего опытного помощника. Также, конечно, по полной подключай всех своих сотрудников. Помни, что ты не просто профессиональный сыщик, но и руководитель подразделения: в твоём распоряжении нескольких специально подготовленных людей. А ещё обязательно обеспечить себе помощь со стороны населения...

– Обязательно, – согласился Серж.

Разговор был окончен.

Выйдя в коридор, Серж не мог не бросить взгляд на стенд, размещенный на стене. Под надписью «Мы гордимся ими» были размещены портреты отличившихся в разные годы сотрудников городского отделения полиции. Там же под стеклом было и несколько газетных вырезок. Одна из публикаций называлась «Наш человек в Париже». Серж знал ее наизусть. Несколько экземпляров этой заметки хранилось у него дома. И сейчас он снова все вспомнил, прокрутил в голове. Год назад он был еще курсантом парижского училища полиции, и в тот вечер его в качестве стажера прикрепили к дежурному патрулю. Серж вместе с двумя полицейскими обходил улицы и переулки выделенного им участка. Возле одного из магазинов слышали шум. Как оказалось, пьяный, ранее уже судимый, устроил ссору, а затем и драку с продавщицей магазина.

Когда патруль вошел в магазин, преступник стал угрожать ножом удерживаемой женщине и кричать полицейским:

– Только суньтесь: и ее, и всех вас на кусочки покроем!

Пока опытные полицейские совещались, что делать, Серж, не раздумывая, присел на корточки и, скрываемый прилавком, подобрался к преступнику на расстояние броска. Кинулся на него. Но преступник, хоть и был захвачен врасплох, успел развернуть руку с ножом в сторону нападавшего. Так что Серж всей своей мощью налетел на острое оружие.

Он ничего не почувствовал, сбивая преступника с ног и отбрасывая в сторону продавщицу. Как и положено, был в бронежилете. Так что Серж не пострадал сам и спас заложницу.

При разборе инцидента стажера сначала пожурили за то, что не согласовал свои действия со старшим патрулем, но затем отметили его решительность и отвагу. В училище Сержу объявили перед строем благодарность с занесением в выпускную характеристику и дали дополнительное увольнение вместо очередного дежурства по столовой. И еще в сен-бьенской газете вышла эта заметка...

С удовольствием «перечитав» заученное в голове, Серж бодрой походкой вошел в свой кабинет. Задание шефа вдохновило его. У Сержа и так все складывалось замечательно: отличная учеба в школе полиции, благодарность за действия в составе патруля и вот – после возвращения в родной Сен-Бьен – назначение на должность исполняющего обязанности инспектора сектора «12–15». После очередных выборов мэра, которые состоятся тридцатого июня, в День города, кандидатуру Сержа в связи с окончанием испытательного срока подадут на утверждение в должности уже без приставки «и.о.». Он не сомневался, что утвердят. Имеющийся, хотя и короткий послужной список работал на Сержа. К тому же за три недели он, конечно, раскроет это несложное дело (сложных в их городе просто никогда не было). Так что очень скоро быть ему полноправным инспектором сектора «12–15»: он молод, профессионально образован и удачлив. Серж был уверен в том, что и далее у него все пойдет как по маслу. Так что он с довольной улыбкой посмотрел на цветок в горшке, который стоял на столе. Мощный зеленый стебель как будто протягивал инспектору большой синий колокольчик. Кажется, дотронешься – и он зазвонит: тонко и звонко.

Заметив, что земля у стебля в горшке высохла, сказал вслух:

– Надо бы полить эту красоту, а то загублю подарок...

Однако прежде инспектор отдал по телефону распоряжение помощнику, и через пять минут в кабинете собрались все его подчиненные: Лео и двое рядовых полицейских. Серж рассказал Фуркату и Шукрату о случившемся, повторив то, что говорил шеф про справедливость и неотвратимость законного наказания, а также добавил от себя:

– Действовать нужно не только решительно, но и быстро. Помните, преступление должно быть раскрыто до тридцатого июня, чтобы в городе было спокойно и никто не смог испортить праздник нашим гражданам.

Серж думал, что подчиненные загорятся, завалят его вопросами, версиями, предложениями. Но Фуркат и Шукрат слушали равнодушно. Инспектор быстро сообразил почему. Полицейские его сектора, да и всего города, исправно ходили на работу, на которой почти ничего не случалось. Они просто привыкли не напрягаться. К тому же явно никто из них не верил в то, что это было именно преступление:

– Что за рука?.. Откуда рука?.. Никто нигде ничего не слышал о руке... Пустое дело...

И рядовые полицейские, и помощник понимали, что Сержу нужно проявить себя, чтобы стать полноценным инспектором. Ну а если молодой и энергичный «и.о.» не справится, не удержится на должностном месте, так, может, и к лучшему: будет все, как раньше, – без авралов ко Дню города.

Помощник, который так рвался в бой в кабинете начальника полиции, теперь чуть ли не зевал. На лице его было написано: «Кому надо, тот пусть и надрывается».

– Да-да, – при этом поддакнул Лео Сержу, явно ждущему от него поддержки, – Приложим все усилия. – Обратился к остальным полицейским. – Верно, ребята?

– Конечно-конечно, – вразнобой заверили свое начальство Фуркат с Шукратом.

Сержу такой деланный «энтузиазм», конечно, не понравился. Однако и теперь он не сомневался, что ему удастся справиться с делом. Быстро и четко дал указания: расспросить жителей сектора о том, не было ли убийства, не пропадал ли кто-либо, не случалось ли чего подозрительного. Потом выделил каждому участок для опроса:

– Сообща до вечера управимся.

Подчиненные по-прежнему не выражали никакого рвения, но послушно отправились выполнять задание.

За собой Серж оставил улицу Роз. Но поехал туда не сразу. Сначала допросил рыбака, которого по указанию шефа доставили в отделение. Получасовой разговор, однако, ничего не дал. Кроме кисти, рыбак не находил каких-либо других фрагментов тела. Ничего про убийства или пропажи не знал и, похоже, теперь, устав от разъездов и объяснений, очень жалел, что просто не выбросил жуткую находку обратно в реку.

Отпустив рыбака, Серж поспешил в свой район. Он был уверен, что обязательно найдет что-нибудь полезное. Во-первых, в школе полиции их учили, как общаться с гражданами, как располагать их к себе и получать нужную информацию. А во-вторых, как полагал, он уже достаточно хорошо знал и район, и людей, проживающих в нем.

Въехав в Старый город, оставил машину у вокзала, далее пошел пешком. Когда-то здесь было очень приятно прогуливаться. Ранее этот район был центром Сен-Бьена. После того, как провели железную дорогу, лучшие семьи стремились жить рядом с этим достижением цивилизации. От вокзала тянулась широкая, но не очень прямая улица через мост на левый берег реки – туда, где строился Новый город. Она называлась Провинциальной, потому что поначалу именно по ней горожане уезжали в Провинцию и по ней же возвращались домой. Вдоль вокзала, пересекая Провинциальную, тянулась улица Роз. Она также не зря носила свое название. Когда-то цвела и пахла, на ней было море продавцов роз: кустов для садов и срезанных для подарков. Выгибаясь дугой, улица проходила через весь Старый город. Чем дальше от вокзала, тем меньше на ней было роз и тем беднее становились дома.

От улицы Роз отходили внутрь Старого города улочки, переулочки, тупички – Богатая, Каменная, Тещинка, Полбагета.... Они пересекались, сливались, разбегались, упирались в лес за городом, в речную набережную или просто в глухую стену какого-нибудь дома. Цветущей улица Роз, однако, была не долго. Коптящие паровозы, а затем и дизельные локомотивы отравляли воздух. Железнодорожное гуденье, лязг, скрежет и скопище народа нарушало сон местных жителей. К тому же вокзал с его обилием отъезжающих-приезжающих, обычно имевших при себе значительные деньги и ценные вещи, притягивал к себе преступников, бродяг и нищих. Поэтому богатые люди перебирались за Грай – в новые районы. Торговцы цветами также устремились следом за покупателями. Осталось от роз на улице только название.

В Новом городе построили современный вокзал, возле которого благоразумно не стали возводить жилых построек. А старый остался памятником, который теперь никто не посещает, кроме голубей и крыс. Входы в здание, окна заперты, заколочены – «до специального распоряжения властей». Никто в городе не знал, что делать с этим большим изношенным строением, расположенным к тому же в таком непривлекательном для инвестиций районе. Крепко построенные дома рядом со старым вокзалом заселили работяги, бедняки, переселенцы. В нескольких заброшенных, требующих ремонта зданиях появились цыгане. Внешне все дома района еще имели следы былой роскоши – на месте остались колонны, балконы, внутренние дворики. Но внутри зданий комнаты были поделены между новыми жильцами, которые не особо утруждали себя заботой об общих коммунальных нуждах. В районе старого вокзала было грязно, сумрачно и пахло не очень аппетитно.

В большинстве своем на улице Роз обитали просто бедные рабочие, неудачливые, а также разочаровавшиеся в жизни или опустившиеся люди. Среди них, конечно, в полиции об этом прекрасно знали, встречались и преступные элементы – карманные воришки, сводники, мелкие жулики. Впрочем, особой опасности для города они не представляли.

Серж бывал в этом районе не раз в детстве и с родителями, и с друзьями. Но позже, когда центр городской жизни окончательно перенесся в Новый город, приезжать сюда было незачем. Только после того, как был назначен и.о. инспектора сектора «12–15», Серж вновь прошелся по району старого вокзала и прилегающим к нему улочкам. Поразились тому, насколько обветшали и дома, и жители, некоторые из которых теперь говорили на незнакомых языках.

Став ответственным за район Старого города, Серж постарался как можно быстрее вникнуть в его дела. От своих подчиненных и их осведомителей требовал докладывать о мельчайших происшествиях. Он хотел знать, чем живет, чем дышит его сектор. Поэтому не довольствовался официальными докладами полицейских, время от времени в одиночку прогуливался по Старому городу: знакомился с разными людьми, болтал с ними о всякой всячине – старался завоевать их доверие. С ним разговаривали приветливо и обещали, если понадобится, тут же обращаться к патрульным полицейским или к самому инспектору лично. Так что Серж надеялся, что уже установил необходимый контакт с жителями своего района и теперь рассчитывал на их помощь.

Сегодня первым из знакомых на глаза ему попался Девятый Питер – худощавый парнишка лет двенадцати с густыми пепельными кудрями. Как обычно, он был одет в модные, немного великоватые и не очень чистые джинсы. Также большая ему, однако совершенно новая рубаша топорщилась на животе: под ней явно что-то скрывалось.

У Девятого Питера было озабоченное взрослое лицо, на котором блестели живые любопытные голубые глаза. Сегодня он шмыгал простуженным носом. Заметив это и поздоровавшись, Серж спросил:

– Может, тебе к врачу?

Мальчишка отмахнулся:

– А, некогда!

– Чем ты так занят?

– Работой, конечно, – удивился Девятый Питер, ощупывая что-то под рубахой и оглядываясь по сторонам.

Серж вспомнил:

– В школу торопишься? Ты же обещал ходить?

Пацан снова отмахнулся:

– А, некогда!

В этот раз Сержу было не до воспитания. Он перешел к делу: задал интересующие его вопросы о выловленной рыбаком женской кисти. Мальчик, выслушав, мотнул головой:

– Не-а, – и почему-то опустил глаза. – Ничего такого...

– Точно?

– Точно-точно! – по-прежнему не поднимая глаз кивал Девятый Питер. А потом он вдруг резко шагнул в сторону. – Пошел я. Некогда мне! Покеда, инспектор!

Пацан тут же исчез в ближайшем переулке. Серж хотел было пойти дальше по улице, но вспомнил, что забыл в машине телефон. Вернулся к ней, надеясь, что кто-то уже звонил с важными новостями. Однако, вызовов не было. Это обстоятельство, конечно, инспектора не расстроило: прошло слишком мало времени. Он и сам пока успел поговорить лишь с одним мальчишкой. Но ему было на что досадовать: дверь машины украшала свежая глубокая царапина.

Серж догадывался, что, несмотря на внешнюю приветливость обитателей Старого города, он не самый желанный гость в этом районе. Но еще никогда ему не делали гадостей. Конечно, рядом с машиной никого не было...

Не получился у раздосадованного Сержа разговор и со старухой – хозяйкой овощной лавки. Ей было не менее семидесяти лет: седая, со сморщенным лицом и большой отвислой до пояса грудью под разноцветными кофтами. Старуха обычно сидела на стульчике у своего магазинчика между кабачками и помидорами без движения, как статуя или замершая игуана. Не шевелилась, даже когда подходили покупатели. Оживала, только увидев деньги. Рассчитавшись же с покупателем, снова замирала. Особо ни с кем не разговаривала, но для инспектора делала исключение. Когда он подходил к старухе, та охотно пускалась в рассказы о своих болезнях. Серж, хотя и не очень разбирался в медицинских терминах, старался поддержать разговор. Вот и сегодня немного поговорили про какую-то болезнь, не дававшую старухе спокойно спать ночью. Потом инспектор спросил о том, что действительно интересовало его. И тут старуху, как отрубил. Она замолчала. Перестала говорить вообще, как будто вдруг оглохла и ослепла.

Ничего не добившись от старухи, Серж, подозревая неладное, снова вернулся к машине. Предчувствие его не обмануло: рядом с первой царапиной появилась вторая. Возле машины опять никого не было.

Инспектор почесал затылок и вновь углубился в Старый город. Прогуливаясь по улице Роз и ее переулкам, поговорил с еще несколькими знакомыми, но всё безрезультатно. Никто ничего не слышал о пропавших или убитых людях.

Последний из встретившихся на пути – Лысый Боб – работяга, который знал всех в районе и которого знал здесь каждый, – заверил инспектора:

– Нет, никого у нас не убивали. Никто не пропадал. Всё в Старом городе спокойно.

Сержу бы обрадоваться, но говорил это Лысый Боб как-то чересчур твердо. И смотрел при этом в сторону.

– Кхе-кхе...

Заторопился вдруг:

– Извини инспектор, дома ждут, я продукты из лавки несу. Да и сам голодный...

– Приятного аппетита!

Лысый Боб поспешил вдоль по улице, а инспектор обернулся на кашель. Подумал, что кто-то тактично привлекает к себе внимание, чтобы сообщить нечто важное. Однако за спиной Сержа никого не оказалось.

К старому вокзалу инспектор вернулся без каких-либо обнадеживающих новостей. Но его порадовало то, что машину оставили в покое: больше царапин не прибавилось. Глянув на часы, поторопился в отделение: вдруг кто-то там сообщит что-то интересное по делу.

Увы, и у возвращавшихся друг за другом подчиненных никаких полезных сведений не прибавилось:

– Никто. Ничего... Никто. Ничего...

После очередного доклада инспектор хлопнул себя рукой по лбу:

– Что же я сразу-то не подумал об этом? И никто мне не подсказал!

Серж набрал телефон больницы, но там его не порадовали:

– Нет, никаких операций или инцидентов с ампутацией конечностей не было...

Лео, присутствующий при разговоре, усмехнулся:

– Ты еще в зоопарк позвони!

– Спасибо, это дельная мысль, – инспектор действительно был благодарен помощнику. –
Результатов экспертизы еще нет. Вдруг это и, правда, не рука, а лапа какой-нибудь человеко-образной обезьяны.

Усмешка тут же слетела с губ Лео, он нахмурился, но потом участливо поддакнул:

– Так я об этом и говорю: позвони в зоопарк!

Серж, глянув в справочник, набрал номер. Никто, не ответил. Набрал еще раз:

– Спят они там, что ли?

Помощник вдруг решил проявить инициативу:

– Давай я съезжу. На месте разберусь. Если был такой случай, то сразу и определю, от того ли животного конечность.

Инспектор удивился внезапному рвению Лео, но согласился:

– Езжай. Найдешь владельца лапы – объявлю благодарность.

Помощник просто просиял:

– Да уж и за шефом поощрение не заржавеет. Он ценит полезных сотрудников.

Лео взялся было за ручку двери, но Серж остановил его:

– Здесь еще один номер зоопарка. Наберу его на всякий случай, чего тебе зря мотаться.

– Да мне не в тягость. Это же совсем рядом.

Серж, тем не менее, набрал новый номер, и ему тут же ответили, связали с директором зоопарка. Тот сообщил:

– Все животные на месте... Все конечности у них тоже на месте...

– Вы уверены?

– Абсолютно!

Глянув на часы, Серж отпустил домой и отчего-то закусившего губу помощника, и свободного сегодня от дежурства Шукрата. Сам остался сидеть в кабинете, вперившись взглядом в карту, так же, как и у шефа, висящую над столом. Время от времени переводил взгляд с нее на календарь.

Раздался телефонный звонок. Это был Бертоф:

– На месте еще? Эксперт принес результаты: эта кисть пробыла в воде около двух суток, рыбы или раки уже приложились... А принадлежала она девушке семнадцати-восемнадцати лет...

Инспектор кивнул сам себе:

– Значит, точно – не обезьяна...

– Что? – не понял шеф.

– Ничего, это я так... – Серж снова глянул на карту. – Я вот что думаю. Кисть наверняка принесло из моего района. Но ведь девушка могла прийти или приехать сюда и из другого сектора города.

– Правильно думаешь, – согласился шеф. – Я уже дал распоряжение опросить жителей и других районов. Из сектора «21–24» только что отчитались: там ничего не известно об убитых или пропавших. Жду сведений о секторах «15–18» и «18–21».

Серж продолжал размышлять вслух:

– А если она вообще приехала из какого-то другого города или деревни?

– И это возможно, – вновь согласился Бертоф. – Запрос по всем населенным пунктам Провинции я тоже уже разослал. И даже «за холмы» отправил. Так что остается только ждать ответов, – шеф тоже решил отпустить подчиненного: – Езжай домой! Сегодня здесь делать больше особо нечего, а у тебя, как-никак, такое дома...

– Спасибо, но я еще немножко тут подумаю...

– Как знаешь. Но особой спешки ведь нет...

Закончив разговор, Серж встал, посмотрел на часы, потом на дверь и снова сел. Ему очень хотелось получить сведения также и из секторов «15–18» и «18–21». Информация вполне могла оказаться ценной и помочь инспектору продвинуться с расследованием по найденной женской кисти. Серж решил еще немного подождать и перезвонить шефу: спросить, вдруг нужные сведения поступят в ближайшее время. Снова глянул на часы и снова принялся рассматривать карту, но тут же его вновь отвлек телефонный звонок. Надеясь, что кто-то спешит сообщить новости по делу, инспектор, не посмотрев на имя абонента, нажал кнопку соединения:

– Ну, говорите!

– Повежливее нельзя?

– О, извини, пожалуйста! Мне должны были звонить по работе...

– По работе, да по работе... Ты не забыл про меня на своей работе?

– Нет, конечно, что ты! Просто сегодня небольшая запарка.

– А я вот тебе звоню, хотя у меня тоже запарка. Представляешь, они говорят, что могут не успеть напечатать карточки. Что такую бумагу нужно заказывать и везти «из-за холмов»...

– Да, времени в обрез. Всего три недели.

– Почему три?

– Ну, – Серж посмотрел на календарь, – до тридцатого ровно три недели.

– Причем здесь тридцатое?! Ты о чем думаешь? Ты забыл, на какое число... когда мы..?

– Нет, что ты, что ты... – инспектор глянул по сторонам в поисках подмоги, – просто меня тут постоянно отвлекают со всех сторон. И вот как раз график подсунули с тридцатым числом... А так я, конечно, все помню. Последнее воскресенье июля. Это будет самый счастливый день в моей жизни.

– Правда?

– Правда, – заверил Серж.

– А твое рабочее время разве еще не закончилось?

– Да... Уже вроде...

– А чего сидишь там?

– Я же говорю: небольшая запарка, – Серж посмотрел на часы. – Нужно еще немного задержаться. Это очень важно.

– Ты один?

Серж почему-то посмотрел по сторонам:

– Да, сейчас один, вроде.

– Хочешь, я к тебе приеду?

– Нет, что ты!

– А что такого? Посмотрю, чем или кем таким важным ты занят?

– Вот придумала, чтобы мы тут еще и вдвоем время на работу тратили, – Серж встал, посмотрел на часы и махнул рукой. – Вот принесли, наконец, нужные документы. Так что уже закончил всё на сегодня.

– Закончил?

Серж перехватил инициативу:

– Встретимся через полчаса в нашем кафе у мэрии?

– В нашем кафе? Хорошо, милый!..

Отложив телефон, Серж снова посмотрел на календарь и покачал головой. Потом улыбнулся, подумав о предстоящей встрече, легонько погладил большой синий колокольчик на зеленом стебле.

Только дошел до двери, как она сама распахнулась. В кабинет влетел, как оказалось, так и не ушедший еще домой помощник:

– На Провинциальной стреляют!..

2. «Выстрелы на Провинциальной»

Стрельба на улицах Сен-Бьена – это нечто немыслимое для горожан. Так же, как и отрубленная рука человека в Грае...

– Надо доложить шефу!

– Уже! – кивнул Лео.

Заметив удивленный взгляд Сержа, помощник тут же оправдался:

– Когда бежал к тебе, встретил его в коридоре. Шеф сказал, чтобы ты, если еще на месте, сразу же зашел к нему.

Серж поспешил к Бертофу. Начальник полиции к словам Лео ничего добавить не мог, только кивнул:

– Выезжай с кем-нибудь на место! Как вникнешь в обстановку, сразу позвони. Если что-то серьезное – сразу вышлем подмогу...

Серж прихватил ожидавшего под дверью Лео и выехал на место происшествия.

На Провинциальной улице в сотне шагов от старого вокзала их ждал вжавшийся в стену патрульный. Фуркат доложил, указывая дальше по улице:

– Стреляли там, у ресторанчика. Я, как услышал, сразу сообщил дежурному в отделение.

На улице было пусто. Серж спросил:

– Ты кого-нибудь видел?

Полицейский отрицательно покачал головой:

– Нет, только выстрелы слышал. Еще кричали. Потом тишина. Я решил в одиночку туда не соваться. Вас дожидался.

– Все правильно сделал, – похвалил Серж подчиненного и отдал приказ: – Оставайтесь здесь. Прикройте меня, пока я буду подходить к ресторану. Смотрите, чтобы с боковых улиц никто не выскочил.

– Как скажешь, – кивнул Лео, очевидно не стремившийся лезть на рожон.

Все трое достали револьверы и взвели курки. Серж, стараясь держаться как можно ближе к стенам домов, двинулся в сторону ресторана.

Когда до места происшествия оставалось не более двадцати шагов, из заведения вышел мужчина. Сначала он оказался спиной к Сержу, смотрел от него в даль улицы. Потом резко развернулся. Увидев перед собой полицейского, поднял в руку. В ней был пистолет.

Инспектор уже держал мужчину на мушке и, не медля, нажал на курок. Раздался выстрел. Мужчина, выронив пистолет из руки, медленно осел на землю, потом завалился спиной на мостовую. На груди расплывалось пятно крови.

Серж осторожно приблизился к лежащему. Отбросил ногой в сторону пистолет. Посмотрев на бледнеющее лицо раненого, понял, что тот не имеет сил для борьбы. Направил револьвер в сторону ресторана. Его входная дверь распахнулась и на улицу вышли несколько посетителей с поднятыми руками:

– Не стреляйте! Мы – не преступники! Они уже убежали!..

Серж сделал знак рукой, и к нему тут же подошли Лео с Фуркатом. Инспектор приказал патрульному:

– Обыщи этих! – и помощнику: – Вызови «скорую» для раненого!

Сам вошел в ресторан. Небольшой зал был пуст. За стойкой стоял перепуганный бармен:

– Я ему говорил: не выходи, не выходи, дождись полиции!

Серж заглянул в туалет, прошел на кухню. Однако, кроме повара и перепуганной официантки, никого не обнаружил. Вышел на улицу и снова остановился рядом с мужчиной, лежащим теперь в небольшой луже крови.

– Это же учитель! – опознал раненого Лео.

Фуркат, обыскавший посетителей ресторана и не нашедший ничего запрещенного или подозрительного, подтвердил:

– Точно, учитель!

Теперь и Серж, всмотревшись в совсем уже бледное лицо, признал: это, действительно, был учитель литературы местной школы Марк Донтерн. Год назад о нем говорил весь город...

Глянул на помощника:

– «Скорую помощь» вызвали?

– Да, уже едет. Мы его пока перевязали, как смогли.

– Надо доложить Бертофу, – потянулся к телефону Серж.

– Уже, – произнес Лео. – Тоже едет сюда.

Серж только покачал головой и вернулся в ресторан, спросил бармена:

– Что тут произошло?

Тот, не сходя с места и размахивая руками, рассказал все, как было:

– Учитель и эти, – указал через стеклянную дверь на стоящих на улице возле ресторана посетителей, – родители его учеников, сидели, немного выпивали, разговаривали. Потом, – показал на дверь, – там, на улице, двое – не знаю, кто такие, они не с нашей улицы, и не разглядел я их толком отсюда, – начали ругаться, затем драться. Один рванул в сторону Нового города, а второй несколько раз выстрелил ему в спину – не знаю, попал ли. Потом вбежал в ресторан, голову низко так держал, втянул в плечи, сунул пистолет в руки учителю, ну и дал драпу. Я, конечно, тут же позвонил в полицию: мне сказали, что уже знают и едут. Он мертв? – указал рукой на перевязанного учителя.

– Нет. Вроде бы...

Бармен покачал головой и продолжил, не отрывая взгляда от лежащего на мостовой:

– Я ему говорю: «Брось пистолет на пол. Не выходи на улицу. Полиция приедет – сама во всем разберется». А он: «Нет, надо отдать пистолет официально, как положено». И вышел с ним. Как глупо-то все случилось... Невинного человека у-би-ли... – прикрыл себе рот рукой. – Ой!

Серж уже тоже понял, что выстрелил в ни в чем не повинного человека, в человека, желавшего помочь полиции...

«Скорая помощь» и Бертоф подъехали одновременно. Серж доложил начальнику обо всем, что произошло. Тот, выслушав, произнес:

– Вот тебе и еще одно дело нарисовалось: надо найти дравшихся, установить их личности. Без работы, очевидно, не останешься... И вот что: ты действовал правильно, но если учитель умрет, то я буду вынужден отстранить тебя от дела, а твои действия будет разбирать специальная комиссия. Кстати, не забудь написать рапорт о применении тобой оружия...

Серж понятливо кивнул и вместе с Лео начал опрашивать посетителей ресторана. Те продолжали с ужасом глядеть на раненого, которого врачи «скорой помощи» уложили на носилки и принялись загружать в машину.

Далее свидетелей повезли в отделение, чтобы за протоколировать показания и составить портрет-фоторобот тех двоих, что дрались у ресторана. Судя по всему, стрелявший в спину своему оппоненту промахнулся: дальше по улице не нашли ни труп, ни следов ранения.

Войдя в свой кабинет, инспектор почувствовал, как завибрировал в кармане телефон. Достав аппарат, он, не глядя, нажал на телефонную кнопку принятия вызова, услышал:

– Ты где? Я – в нашем кафе. Жду-жду...

Серж глянул на часы и вздохнул:

– Извини, милая. У нас – чрезвычайное происшествие. Я не могу сейчас приехать. Мы сегодня не увидимся. Прости.

– Настолько чрезвычайное?

– Увы. Не сердись. Не обижайся. Я...

Его уже, однако, не слушали...

Провозившись с бумагами и свидетелями, Серж вышел из отделения, когда на улице уже было темно и зажглись фонари. Достал из кармана телефон, но, глянув на часы, сунул обратно, вздохнул. Машину брать не стал. Решил пройти пешком, чтобы по дороге улеглись мысли в голове. Он не хотел и дома, укладываясь спать, думать об учителе. В мыслях Серж снова и снова приближался к ресторану по Провинциальной. Он опять видел поднимаемый в его сторону пистолет, нажимал курок револьвера, подходил к человеку, из груди которого текла кровь, вглядывался в его бледное лицо...

Инспектор остановился у «Бешеного кота». Этот бар находился рядом с границей секторов «21–24» и «12–15». В основном здесь обитали постоянные посетители, живущие или работающие рядом на соседних улицах. Серж заглядывал сюда раз – два в неделю и его, конечно, в заведении знали. Относились к инспектору, как к обычному клиенту, ничем особо не выделяя среди прочей публики.

Войдя, он поздоровался с барменом, прошел мимо стола с клеткой, в которой сидел здоровенный, раскормленный до размеров собаки кот. Животное зашипело и даже как будто зарычало. Кот действительно был просто бешеным. Еще котенком кидался на посетителей, царапал и кусал им ноги, руки, норовил вцепиться в лицо, если кто хотел разглядеть эту тварь неясной породы поближе. Хозяину бара советовали утопить кота в Грае, но тот запер животное в клетку и сменил название бара с «Аделаида» на «Бешеный кот». Новых клиентов переименование не привело, но зато снизило некоторые издержки. Рядом с клеткой хозяин поставил коробку с надписью: «На пропитание этой прожорливой твари. Или я убью его!» Редко кто из посетителей не бросал в коробку монету, а то и купюру...

Серж заходил в этот бар иногда перекусить, но чаще – чтобы в неофициальной обстановке встретиться с нужными по тому или иному делу людьми. И сейчас он завернул сюда, не только оттягивая возвращение домой, но и надеясь застать человека, которого не видел днем в Старом городе и на которого очень рассчитывал. Этот человек был самым любопытным в его секторе и наверняка должен был что-то слышать, если не о женщине, лишившейся кисти руки, так о драке у ресторана.

Инспектор сел на свое обычное место в дальнем углу, заказал местный кальвадос. Это был основной алкогольный напиток и Сен-Бьена, и всей Провинции. Яблоки, созревающие в ней, были не очень крупными, но весьма пахучими. За их особый, божественный аромат и ценился кальвадос «Сен-Бьен». Его поставляли даже «за холмы».

От выпитой рюмки сразу стало как-то и теплее, и спокойнее. Серж заказал вторую рюмку и осмотрел зал. Того, кого ждал, не видел. Нужный человек или уже ушел, или еще не появлялся. Расспрашивать же о нем бармена или посетителей, конечно, не стоило. На телефонный звонок тот не ответил.

Инспектор решил подождать еще немного. Заказал новую рюмку. Провинциальная улица, лежащий на мостовой человек потихоньку начали расплываться, превращаться в облако, уплывающее все дальше и дальше... Немного подумав, заказал еще одну рюмку. Затем, не раздумывая, еще и еще...

– Угостишь, инспектор?

К нему подседа Леда – местная проститутка, невысокая крепкая брюнетка с двумя заплетенными косичками, лежащими на полуобнаженной груди.

Серж согласно кивнул в ответ, потому что произнести, как вдруг оказалось, уже ничего не мог: язык его ворочался с трудом. Из-за раскрытых губ вылетело только несколько неразборчивых звуков. Инспектор почувствовал, что ужасно устал: все его тело стало вдруг таким тяжелым.

Леда влила в себя полную рюмку, стоявшую перед инспектором последней в уже целом ряду пустых. Потом внимательно оглядела Сержа и озвучила его мысли:

– Ну и поднабрался ты, братец. Может, тебе уже хватит?

Инспектор, попытавшись шевельнуть языком, снова кивнул. Леда оглядела зал и, видимо, не очень рассчитывая в этот вечер на клиентов, предложила:

– Отвести тебя домой? Уложить баиньки?

Голова Сержа согласно дрогнула. Ему так захотелось, чтобы кто-то сейчас позаботился о нем, подумал, решил за него. Потом вздрогнул, вспомнив деда, и тут же снова расслабился, отмахнувшись от призрака своего предка: «Оставь, не до тебя...»

Леда, как будто привычно, положила себе на плечо руку Сержа, подхватила его за поясницу, и они проковыляли между столиками к выходу. Обалдевший кот только проводил их взглядом, не издав ни звука. Бармен спокойно записал выпивку на счет инспектора.

Серж снимал квартиру в Новом городе, на левом берегу Грая в секторе «12–15», за который отвечал. От бара до его дома было всего несколько сотен шагов. Ночная труженица решила не тратиться на такси и без особого труда доволокла инспектора до дома.

Помогая Сержу подняться по лестнице на второй этаж, Леда уж точно не считала вечер потерянными. Как-никак – оказала услугу инспектору полиции, который при случае, если не замолвит слово, так прикроет глаза на что-нибудь.

Прогулка по свежему воздуху несколько взбодрила Сержа. Он ощутил рядом с собой женщину. Мягкую податливую женщину. А у него уже так давно не было такой. Невеста, как и полагается в патриархальном Сен-Бьене, ничего, кроме поцелуев, ему не дарила. И до новобрачной ночи все еще было так далеко. Когда Леда, найдя в кармане инспектора ключи, ввела его в квартиру, уложила на кровать и принялась раздевать, тот притянул ее к себе...

Утром Сержа разбудили телефонные звонки. Никого рядом не было. Леда, как порядочная проститутка, чтобы не компрометировать клиента перед соседями, ушла до рассвета. Денег с инспектора, конечно же, не взяла.

С трудом разлепив непослушные глаза и губы, он посмотрел на экран телефона. Циферки и буквы то расплывались, то сходились вместе, переплетались, напознали друг на друга. Серж встал и доплелся до ванной, пытаясь на ходу вспомнить, осмыслить все произошедшее вчерашними днем, вечером, ночью. Сначала плеснул в лицо холодной воды, потом залез под душ.

Смыв усталую ломоту с тела, растерев полотенцем плечи и спину, зашел на кухню, вытащил из холодильника пакет сока и в несколько глотков влил в себя его содержимое. Оно приятной прохладцей отозвалось в желудке. В голове посветлело. Серж снова взялся за телефон.

На экране высветилось множество номеров, с которых его набирали. Только два знакомых: Марии и помощника. По неизвестным он звонить не собирался. Марии... сейчас не хотел. Надо было прежде собраться с мыслями. Набрал помощника.

Лео с ходу затараторил:

– Тут такое, тут такое...

– Какое-такое?

– Включи телевизор.

Серж включил и увидел на экране то самое место на Провинциальной. Корреспондент с микрофоном в руках указывал на пятно под ногами:

– Именно на этом месте вчера был застрелен учитель Марк Донтерн. – обратился к стоящему рядом человеку, который пытался прикрывать лицо рукой и которого Серж ранее никогда не видел. – Вы были очевидцем происшествия. Какие драматические события здесь развернулись?

Человек, не отрывая руки от лица и немного помявшись, произнес:

– Да, драматические события развернулись. Учитель вместе со своими учениками проходил мимо этого ресторана, – указал на дверь заведения. – А из него вышел пьяный инспектор полиции и ни с того, ни с чего выстрелил в сторону детей. Учитель бросился к полицейскому,

чтобы прикрыть учеников своим телом, но страж порядка несколькими выстрелами разmozжил ему голову.

У Сержа от этой чудовищной лжи расширились глаза. Он тут же набрал Марию, которая, скорее всего, тоже смотрела новости. Хотел объяснить ей все, но телефон невесты не отвечал. Быстро одевшись, инспектор выскочил на улицу. Чертыхнулся: машину оставил возле участка, так что пришлось вызывать такси.

В отделении он сразу пошел к Бертофу, который уже был на месте. Начальник вздохнул и развел руками:

– Ситуация складывается сложная. Даже и не припомню, чтобы случилось что-либо подобное. Еще наши журналисты чудят. Откуда они вытащили этого лжесвидетеля?.. Конечно, разберемся и заставим их дать опровержение. Но город уже сейчас взбудоражен. Звонят все, кому не лень: из комитета матерей, из общества гражданских свобод, из департамента школьного образования... Мэр тоже звонил. Вызывает вот... На ковер...

– Мне-то что делать? – растерянно спросил Серж.

– Как что? – нахмурился Бертоф, – Продолжай оба расследования и моли бога, чтобы учитель не умер. И еще... обязательно встретиться, поговори с его женой.

Серж все еще не мог взять себя в руки:

– Но что, как ей сказать?

Начальник смотрел на него строго:

– А вот это уже твоя забота. Главное сейчас – всех успокоить. Журналистов, врачей, матерей школьников, коллег и родственников несчастного учителя...

Серж тут же поехал в больницу. Сначала поговорил с лечащим врачом, который сообщил:

– Положение тяжелое. Пуля пробила легкое рядом с сердцем. Большая кровопотеря. Но все зависит, прежде всего, от состояния организма пациента. Если он не ослаблен, то пациент справится, выберется.

– А если нет?

Врач развел руками и многозначительно посмотрел вверх.

Серж дошел до палаты, в которой лежал Донтерн. Чуть приоткрыл дверь и увидел худенькую черноволосую женщину, сидящую рядом с кроватью. Она держала находящегося без сознания за руку. Инспектор не нашел в себе сил вызвать жену учителя из палаты на разговор. Он просто не находил слов для этого разговора. Поэтому снова прикрыл дверь и вернулся в отделение полиции, где, как и вчера, погрузился в следовательскую рутину.

Уже пришли доклады из всех секторов, из всех населенных пунктов Провинции: нигде за последние дни ни убийств, ни пропаж, ни ампутирования кисти или целой руки зафиксировано не было. Так что это дело, по всем правилам, можно было спокойно сдавать в архив.

Спокойно... Разумеется, на душе Сержа было очень беспокойно. Он снова перечитывал протоколы допросов вчерашних свидетелей событий у ресторана. Разглядывал фоторобот двух драчунов, один из которых подбросил пистолет учителю: кто же это такие, из-за чего взялись за оружие? Как ни странно, один из них казался инспектору знакомым...

Серж дал указания растиражировать и раздать портреты всем осведомителям в районе, а также барменам, официантам, сотрудникам общественных учреждений. Инспектор не сомневался в том, что если эти двое еще в городе, то их непременно обнаружат: их задержание всего лишь вопрос времени. Но вот времени-то у него оставалось все меньше и меньше. Вернувшийся в отделение Бертоф не забыл обратить на это внимание:

– И еще мэр сказал: «Кровь из носу, но ко Дню города в Сен-Бьене должны быть тишь, гладь и божья благодать. Если меня не переизберут, покинем свои посты все вместе...»

Чуть ли не каждые пять минут Серж набирал Марию, но она не отвечала. Ему снова и снова звонили с неизвестных номеров. Он не отвечал. Кто именно постоянно названивал,

понял, когда выходил вечером из отделения: к инспектору подбежало сразу несколько человек с микрофонами, диктофонами, блокнотами, фотоаппаратами и камерами:

– Несколько слов для нашего канала... для нашей газеты... для городского портала...

Он быстро сел в машину и уехал. Почти целый час бесцельно кружил по дальним городским улицам. Потом проехал по Провинциальной. Прохожих на ней уже почти не было. Но Сержу казалось, что на его машину, на него смотрят из всех окон: из заведений, из квартир. Надавил на газ, чтобы побыстрее покинуть Старый город.

Проехал мимо «Бешеного кота». Осведомителя там опять могло не быть. Но Леда была наверняка. Не остановился...

Снова набрал номер Марии. И снова она не ответила. Позвонил осведомителю – и он молчал.

Серж заехал в магазин и взял бутылку кальвадоса. Дома налил себе сразу полстакана и выпил залпом. Потом сел на стул и тупо уставился в окно. Он не понимал, что происходит в его не лучшем, но всегда достаточно спокойном городском районе. Найдена кисть руки женщины, но нигде никакая женщина не пропадала... Драка с выстрелами у ресторана, но пистолет оказывается в руках у учителя, ни в кого не стрелявшего... А еще ни Мария, ни осведомитель не отвечают...

Подумав о тяжело раненном им Марке Донтерне, Серж налил еще полстакана. Потом еще...

Учителя хоронили всем Старым городом. За гробом шли жена, дети, какие-то близкие родственники и еще десятки его нынешних и прошлых учеников, их родителей, а также сотни просто жителей сектора «12–15».

На кладбище шеф полиции произнес речь, сказав, что произошедшее – это трагическая случайность, что учитель погиб не зря – он стал важным участником расследования преступления. В конце выступления, глядя на Сержа, добавил:

– Наш инспектор выполнял свой долг и ни в чем не виноват. Не судите его. Во всем виноваты исключительно преступные элементы, решившие запугать наш дорогой Сен-Бьен...

Серж также склонил голову возле гроба:

– Простите меня. Я себя простить не могу, но вы, если сможете, простите...

Подняв голову, он, однако, не увидел в глазах окружающих никакого понимания и тем более прощения. Ненависть была в глазах жены учителя. Только ненависть была и в глазах учеников, родителей, всех других горожан.

Раздались возгласы:

– Виновен!.. Нет прощенья!..

Через минуту возгласы слились в один скандирующий хор:

– Виновен!.. Виновен!.. Виновен!.. Нет прощения!.. Нет!.. Нет!.. Нет!..

Серж оглянулся по сторонам в поисках поддержки. Но и шеф, и другие полицейские куда-то исчезли. Инспектор остался один на один с толпой, которая продолжала скандировать «Виновен!.. Виновен!.. Виновен!..». Потом она колыхнулась и стала надвигаться на него. К инспектору потянулись сотни рук: «Нет прощения, нет!.. Нет!.. Нет!..»

Проснулся в холодном поту. В бутылке оставалось еще на донышке: допил одним глотком. Опасаясь, что кошмар повторится, лечь не стал. То ходил по квартире, то ненадолго присаживался за стол, дожидаясь рассвета.

День прошел скомкано. Коллеги в отделении смотрели на инспектора сектора «12–15» то ли с жалостью, то ли с осуждением. Фуркат с Шукратом прятали глаза. Только Лео разговаривал, как будто ничего не случилось. А на улице Сержа продолжали ждать журналисты.

Звонил в больницу: учитель так и не пришел в сознание. У его кровати продолжала дежурить жена.

Несколько раз набирал Марию. Она по-прежнему не брала трубку. Слушая гудки в телефоне, смотрел на подаренный невестой цветок. Большой синий колокольчик, свисающий с мощного зеленого стебля, казалось, все так же готов зазвонить тонко и звонко – только дотронься.

– Надо бы полить...

Однако прежде решил позвонить родителям. Они, конечно, были очень взволнованы событиями с участием сына. Постарался успокоить их. Обещал заехать, как только выдастся свободное время.

Звонили друзья: Эндрю, Виктор, Борис. Звонили, вроде, чтобы только поинтересоваться:

– Мы сегодня увидимся? Ты не слишком занят на этой своей чертовой работе? Ждем!..

Вновь оказавшись вместе в Сен-Бьене после пребывания в разных местах, они дали клятву: несмотря ни на какие обстоятельства, будут раз в неделю – каждый четверг – собираться на любимый покер. И сегодня, несмотря на все свои неприятности, Серж не собирался пропускать встречу.

Сначала они выбирали для дружеских встреч разные места. Играли то у кого-то дома, то где-нибудь в кафе. Но родственники, жены находили их по тому или иному поводу: срывали и игру, и саму встречу. Так что первое время покер не всегда удавался. Однако когда Борис был назначен на свою должность патологоанатома, то получил в полное распоряжение городской морг. Он и стал их пристанищем.

Друзья относились к моргу, как к просто очень удобному для встреч помещению. Борис здесь проводил целые дни в работе. Сержу также по служебной необходимости приходилось периодически иметь дело с трупами. Виктор, по его словам, просто обожал мертвецов:

– Это единственные люди без проблем и психических отклонений. От них не получишь ничего неожиданного. К ним можно спокойно поворачиваться спиной.

Эндрю тоже смотрел на трупы по-своему профессионально:

– Ничего грудинка... Приличный окорок... А этот староват – даже на котлеты не пойдет... У этой шейка постновата будет...

Чаще городской морг пустовал, но иногда трупы в нем появлялись. Как правило, привозили сюда тела стариков, а также более молодых людей, скончавшихся в результате несчастного случая или тяжелой болезни. Криминальных трупов практически не было.

Привезенные тела лежали или в специальных холодильных камерах, или на тележках в общем зале, ожидая осмотра и вскрытия. В конце помещения напротив входной двери имелась еще одна, за которой располагался кабинет Бориса – приличных размеров комната с рабочим и круглым столами, несколькими шкафами, стульями, креслами, холодильником и баром. Это и был их «покерный клуб». Сюда, храня клятву, они приходили за день до окончания рабочей недели, чтобы выпить, поболтать, расслабиться в кругу друзей, ну и, конечно, поиграть в любимый всеми ими покер, не боясь при этом, что их утащат домой решать какие-либо мелкие проблемы. Никто из ближнего круга четверки не мог пересечь зал с мертвецами и добраться до «клуба». Даже жена Бориса не заходила к нему на работу. Вид распотрошенных человеческих тел, которые время от времени появлялись в «заведении» мужа, приводил ее в ужас. И жена Эндрю, передержавшая в руках горы свиной и говяжьей «расчлененки», и невеста Сержа, прекрасно готовившая мясные блюда, готовы были упасть в обморок от самого слова «морг». Любовницы Виктора просто не знали, где его нужно искать в четверг вечером.

Конечно, не самый приятный запах просачивался и в кабинет Бориса. Но друзья давно привыкли к трупному душку. Он, к тому же, не только отпугивал близких, но и, оставаясь на одежде, указывал на то, что они проводили время не у любовниц, не в барах, а «задерживаясь по тяжелой работе».

В школе, еще только увлекшись покером, они сначала играли на конфеты, потом – на сигареты. Теперь на кону деньги, но небольшие, чтобы и интерес сохранялся и чтобы не проиграться всерьез.

Серж вошел в общий зал морга. Остановился у тележки, аккуратно накрытой чистой тканью. Место было явно подготовлено для принятия очередного трупа.

– Ты чего там застрял?! – окликнули его из-за распахнувшейся двери кабинета Бориса. На пороге стоял сам хозяин: – Заходи. Все уже собрались.

Инспектор указал на подготовленную тележку:

– Ты так уверен, что он умрет?

– Кто?

– Учитель.

– Какой учитель?

– Которого я ранил на Провинциальной.

– Причем здесь учитель? – удивился Борис. – Ты просто не обращал внимания: у нас всегда готово место для вновь прибывшего. Кто-нибудь обязательно умрет в ближайшее время. Ты же знаешь: статистика...

– Статистика, – согласно кивнул Серж и вошел в кабинет.

На своих местах за круглым столом уже сидели Виктор и Эндрю. Перед каждым стоял бокал с кальвадосом. Еще по бокалу было приготовлено для Бориса и Сержа.

Поздоровавшись и обнявшись с друзьями, инспектор сел за свое место и залпом осушил бокал:

– Борис, плесни мне еще!

Тот налил. Начали игру и начались разговоры. Борис, сменив пару карт, посетовал:

– Отпуск надвигается. Опять придется ехать к родителям жены – в эту чертову Лозанну.

И не открутиться ведь: Изабель обидится, если одну ее с детьми отправлю...

Эндрю, поменяв три карты, также не удержался и пожаловался:

– У меня такая поставщица на одном из хуторов в Провинции образовалась, а жена ждет третьего и никуда не отпускает...

Виктор, выложив стрит-флеш и прибрав банк, усмехнулся:

– Эх, вы – женатики-страдалыцы. Скоро к вам и Серж добавится.

Инспектор, мрачно глядя сквозь карты, вновь попросил:

– Борис, плесни еще!

Друг подошел с бутылкой:

– Мне не жалко, но...

– Это мое личное дело, – резко ответил Серж. – И чего вы все вокруг да около, все о бабах, о бабах. Спросите уже напрямую: «Серж, ты правда хотел убить учителя?»

Борис, чтобы успокоить друга, так и сделал, спросил:

– Серж, ты правда хотел убить учителя?

Инспектор влил в себя очередной бокал кальвадоса:

– Не правда... Но я чуть не убил его. Хотя... врачи ничего не обещают.

Никто не бросился его утешать-успокаивать. Друзья продолжили играть, потягивая из бокалов. Только делали они это теперь молча. Все хотели помочь Сержу, но не знали как. Инспектор же, раз за разом сбрасывая карты, принялся рассматривать многократно виденную им коллекцию Бориса. Она представляла собой несколько десятков банок и баночек, находящихся за стеклом в шкафу. В емкостях плавали заспиртованные уродцы – человеческие зародыши. Некоторые из них были без рук, некоторые с одной ногой. Еще были с деформированными головами и даже сросшиеся сиамские близнецы.

Собирать эту коллекцию начали еще родители Бориса – врачи-акушеры. Он продолжил пополнять ее, получая новые экспонаты из местного родильного дома. Кроме детей-уродцев, в

отдельном шкафу у него собиралась собственная коллекция – любопытные части трупов: сросшиеся пальцы рук и ног, мужские гениталии чудовищных размеров, глаз с двумя зрачками...

Серж пригляделся к руке с шестью пальцами и вспомнил, что у найденной женской кисти их было пять, как и у всех нормальных людей. Почему-то подумал: «За это нужно выпить!» Он продолжал так быстро накачиваться кальвадосом, что Борис все-таки не выдержал и заметил, почти как Леда в «Бешеном коте»:

– Не слишком ли ты торопишься?

Инспектор отрицательно мотнул головой. Однако, он, похоже, действительно торопился. Чтобы не думать о раненном им учителе, Серж торопился и в игре, и в выпивке, забыв, что за весь день ни разу не поел. Друг, в конце концов, отказался подливать:

– Серж, тебе хватит.

– Мне решать: хватит или нет!

– Ты пьян! Спроси хоть Эндрю, хоть Виктора.

Эндрю кивнул:

– Пьян.

Виктор развел руками:

– Пьян, дружище.

– Да что вы понимаете в выпивке? – поморщился Серж. – Я же всегда любого из вас мог перепить, – он резко встал и его качнуло, повело в сторону.

Борис поймал инспектора в свои объятия. Виктор тоже встал:

– Давай, я отвезу Сержа домой на его машине. Потом возьму себе такси.

Инспектор обиделся и отвел от себя руки Бориса:

– Я сам.

Теперь уже бдительный Виктор поймал падающего друга:

– Поехали, Серж, поехали.

Только убедившись в том, что ноги его совсем не слушаются, Серж согласился на помощь.

По пути Виктор внушал задремавшему инспектору:

– Все знают: у тебя неприятности. Но будь осторожней с выпивкой, иначе станешь моим пациентом. Алкоголизм приобретают легко, а вот расстаться с ним очень сложно...

– Расскажи моему деду!..

3. «Будь, что будет!»

И этой ночью Сержу не было покоя. Инспектор снова и снова видел Провинциальную, пистолет, лежащего в лужице крови учителя. Сержа бросало то в жар, то в холод. Он раз за разом просыпался. Снова пытался утопить себя в нетрезвом сне.

На работу явился с запахом перегара. Кто-то, похоже, тут же доложил об этом шефу. Тот вызвал к себе. Внимательно осмотрел подчиненного и, как заметил Серж, потянул носом, очевидно, проверяя информацию. Разочарованно покачал головой:

– Садись! Ты меня очень расстраиваешь. Подумай, а действительно ли это твоя работа?

– Как это? – растерянно переспросил инспектор.

Начальник полиции смотрел на него в упор:

– Может, тебе уволиться?

Серж, по-прежнему не понимая, нахмурился:

– Почему это уволиться?

Шеф пожал плечами:

– Такое ведь может случиться с каждым. И у меня похожий случай был. В самом начале моей карьеры... Преследовали мы на выходе из холмов контрабандистов. Тогда они были очень наглыми, даже вступили в перестрелку с нами. Бой был тяжелым. Двоих наших сотрудников ранили, и меня тоже зацепило. Но я оставался с товарищами, прикрывал их огнем, пока они подбирались поближе к преступникам. Те, через какое-то время почувствовав, что дела их плохи, кинулись врассыпную. Каждый спасал свою шкуру и стрелял во всех, кто появлялся перед ним. Один бежал прямо на меня. Я, конечно, выстрелил. А это, как потом выяснилось, был не контрабандист, а местный крестьянин. Его преступники под дулом пистолета заставили помогать перевозить их вещи. В суматохе боя он решил перебежать к полиции, но я выстрелил в него и... убил. Крестьянин умер не сразу. Еще несколько минут он молча смотрел на меня. В его глазах была и боль, и усталость, и упрек. Без кормильца остались жена и четверо детей... Такая вот у меня была история, так что все понимаю.

– И как вы жили..., живете с этим, шеф?

– Как-как... Это непросто перенести. Да, с этим непросто жить, работать дальше, но ведь нужно. Если это дело твое, если не хочешь останавливаться, то и ты сможешь. А если не совладаешь... Значит, не твое это, выходит, дело, и нужно просто уступить место другому... Тому, кто справится...

Серж мрачно заметил:

– Никому я уступать не собираюсь... Это мое, и я справлюсь. Обязательно...

Бертоф продолжал прощупывать его взглядом:

– Очень бы хотелось в это верить, – вздохнул. – Если справишься, то справляйся, пожалуйста, побыстрее, – вздохнул еще раз. – Докажи, что я в тебе не ошибся.

– Не ошиблись...

Начальник полиции, наконец, отвел взгляд. Остановил его на настенном календаре:

– Время идет. День города все ближе. Что у тебя по женской руке?

Серж доложил о безрезультатных поисках. Шеф кивнул:

– Согласен, что по всем формальным показателям можно сдавать это дело в архив: нет ни потерпевших, ни заявителей. Но опыт подсказывает, что не стоит торопиться. А вдруг ее с гор принесло? Там ведь в ледники немало народу вмерзло. А если кто-то оттаял через несколько десятков лет? И вот спустился к нам... Ты пошерсти архивы: кто, когда и при каких обстоятельствах пропадал в горах. Лет так хотя бы за двадцать-тридцать...

– Хорошо, – только и оставалось Сержу согласиться с начальником.

Бертоф продолжил о другом:

– А что с теми, которые учинили драку у ресторана и всучили пистолет учителю?
– Пока ничего. Фоторобот раздали, но никто их до сих пор не опознал. Нужно хотя бы немного времени.

Шеф, продолжая глядеть на календарь, медленно повторил слово в слово:

– «Нужно хотя бы немного времени...», – потом резко перевел взгляд вновь на инспектора. – Нет у нас времени. Нет.

– Понимаю, – кивнул Серж.

– Раз понимаешь, давай, работай, спеши, торопись сам и торопи, напрягай своих подчиненных. И их будущее, и твое, и даже мое зависят сейчас от тебя. Не было ведь у тебя еще нераскрытых дел. Ты считался лучшим помощником среди начинающих. Потому тебя и инспектором сектора «12–15» назначили...

– Исполняющим обязанности с испытательным сроком, – не преминул отметить Серж

– Вот именно, – шеф поднял вверх указательный палец. – С испытательным сроком. Он уже заканчивается, а у тебя что вырисовывается? Целый комплект: и отрубленная кисть, она хотя и без криминала, но ее из отчетности не выбросишь, и теперь еще эта история с учителем. К тому же про тебя начали говорить... – вновь потянул носом, потом махнул рукой. – Прямо спрошу. Пил сегодня?

Серж раздраженно ответил:

– Я не пью на работе.

Шеф облегченно вздохнул:

– Хотя это, слава богу...

– А кто говорит? – не мог не поинтересоваться Серж.

Бертоф усмехнулся и ответил туманно:

– Всегда найдутся желающие занять твоё место, – покачал головой: – Надо, надо обязательно тебе это дело раскрыть.

– У меня нет другого выхода. – Серж пожал плечами. – Или я найду этих зачинщиков драки, или...

– Именно! – шеф снова поднял вверх указательный палец и потряс им. – Именно! – еще раз глянул на календарь. – Хотя из-под земли достань, хоть из-под воды. И это... – шеф помассировал лоб ладонью. – Ты к учителю заходил?

Серж кивнул:

– Заходил в больницу. Хотел поговорить, но он пока без сознания...

Шеф строго смотрел из-под ладони:

– С семьей встречался?

– Нет. Как-то..., – отвел глаза Серж, – не до того, некогда было.

– Некогда, некогда, – Бертоф оторвал ладонь ото лба и снова положил ее на стол. – Мне что ли с ними встречаться? Ты виноват, ты все это устроил, тебе, дорогой, и встречаться, отвечать. Так что, давай, действуй!

– Я могу идти?

– Иди, – отпустил шеф, но, когда Серж встал, задержал его взмахом руки. – Пойми меня правильно. Это я рекомендовал тебя на место инспектора. Конечно, потому что возлагал на тебя большие надежды. Думал, верил: быстро освоишься и на этой, новой для тебя должности, проявишь себя в самом сложном районе, будешь расти дальше. За тебя ведь и мне отвечать. И к тому же...

Он замолчал, но Серж знал, что осталось невысказанным. Бертоф был уже весьма немолод, собирался на пенсию и подыскивал себе замену. Серж очень рассчитывал стать не только инспектором района «12–15», но и, хорошо зарекомендовав себя на этой должности, пойти дальше: занять место начальника полиции. Сержу казалось, что шеф включил его в список возможных преемников.

Начальник полиции снова махнул рукой:

– Но это все не главное. Черт бы и с тобой, и со мной. Важно другое: я не могу себе позволить не разобраться с этим делом. Если за отрубленной кистью все-таки криминальное преступление? Сдав нераскрытое дело в архив, мы не накажем зло. А ненаказанное зло, ты знаешь, будет порождать все новое, новое и новое зло. Будут все новые и новые жертвы, страдания. И это будет несправедливо по отношению к добрым честным законопослушным людям, которые доверяют нам. Пока доверяют нам: тебе и мне, тем, кто представляет Закон. Тем, кто осуществляет его справедливое исполнение... – шеф вновь опустил руку и забарабанил пальцами по крышке стола. – Так что ты все-таки подумай. Серьезно подумай: твоя ли это работа? Может быть, тебе это было любопытно, интересно какое-то время, а теперь ты познакомился с этой работой, поиграл в «казаки-разбойники», а как дошло до серьезной ответственности, которую нужно брать на себя, то решил увернуться от тяжелых, неприятных дел, залить их выпивкой... Если так, то лучше все брось сейчас и займись чем-то другим, чем-то более подходящим для тебя. Тогда, может, сразу все у тебя наладится. И на работе, и дома. А? – шеф пристально смотрел ему в глаза.

Серж помотал головой:

– Нет, это не игрушки, это моя работа. Моя. Все наладится. Это просто... просто временные трудности. Они бывают у всех.

– Ну-ну, – согласно кивнул шеф и повторил. – Они бывают у всех, – ткнул пальцем в календарь. – Только помни: у тебя остается уже меньше трех недель. Две недели с хвостиком... И все-таки, все-таки подумай!

– Хорошо, – не стал больше препираться Серж. – Я подумаю.

Встал и развернулся на выход.

– Крепко подумай, – как будто топором в спину вонзились тяжелые слова.

Вернувшись в кабинет, Серж выпил кофе и, не обращая внимания на трещащую голову, принялся за дела с удвоенной энергией. В первую очередь накрутил подчиненных, чтобы они активнее искали двух неизвестных драчунов и свидетеля, выступавшего на телевидении с обвинениями в адрес инспектора. Сам полез в архив, запросил все связанное с происшествиями в горах. Первое, на что наткнулся – это была совсем недавняя – прошлогодняя – история гибели его предшественника Антона Трожона. Портрет героя висел в коридоре на стенде «Мы гордимся ими». В траурной рамке.

Предыдущий инспектор сектора «12–15» хорошо зарекомендовал себя по службе. Добился существенного снижения преступности в Старом городе, взял этот район под полный контроль полиции. Не раз был отмечен руководством отделения полиции и городскими властями. Даже был награжден «Серебряной рогулькой» – статуэткой, представляющей из себя тридцатисантиметровую металлическую палочку на подставке с раздвоенным серебряным окончанием. Рогулька – это старый символ Сен-Бьена. В давние времена со двора не выходили без раздваивающейся на конце палочки: в горах и лесах было полно змей, которые заползали даже в город. Но годы шли, людей становилось все больше, и тварей вытеснили в природную глубь. Рогулька же стала символом победы над гадами. Специально для награждения полицейских и была создана эта награда. «Серебряной рогулькой» награждали только самых достойных.

Антон Трожон ставили в пример, и это именно его ранее прочили в наследники Бертофа. Но уверенно поднимающийся по служебной лестнице инспектор трагически погиб в горах во время поисков заблудившейся девочки. Трожон шел в передовой группе вместе с пожарным и медсестрой. Их накрыло не просто лавиной, снегом, а сходом ледника. Тот внезапно обрушился прямо на тропу. Увлек с собой трех человек, потащил по ущелью, раздавил, завалил льдом и камнями. Девочку – обмороженную, но живую – нашла основная часть поисковой группы. А вот от этих троих обнаружить удалось только варежку и шапку инспектора.

Раскапывать завал из камней в несколько километров длиной и в двадцать метров глубиной никто не решился. Дно ущелья стали считать братской могилой трех достойных граждан Сен-Бьена.

Рядом с местом схода ледника установили памятник. Фотографии героев висят на стендах в больнице, пожарной части и полиции. О трех гражданах, погибших ради одной девочки, рассказывают в школах Сен-Бьена. Серж задумался: а что расскажут о нем? Кем он станет: таким же героем или полицейским-неудачником? Вздохнул и направил свои мысли в другое русло: может быть, действительно, как предположил шеф, лед, таявший внутри завала, вынес часть отрубленной руки той самой медсестры? Но как это узнать? Показывать найденную кисть родственникам не было никакого смысла. Кто опознает по скелету даже родного человека?

Серж еще несколько часов поработал с архивной компьютерной базой. Прошерстил ее вдоль и поперек. В горах за последние годы была масса происшествий: люди обмороживались, калечились и разбивались насмерть, но никто из них официально не лишился рук и не пропал бесследно. Туристы «из-за холмов» в Сен-Бьенские горы не приезжали, здесь не был развит этот вид отдыха. Профессиональных альпинистов местные скалы также не интересовали. Так что, согласно архивным данным за несколько последних десятилетий, единственным человеком, который мог потерять руку, была та самая медсестра.

Выпив еще кофе, Серж отправился в больницу, прихватив с собой найденную часть руки в чемоданчике со льдом. Остановился у отделения, в котором лежал учитель, но, постояв немного, подумав, махнул рукой и пошел дальше, к кабинетам администрации.

Главный врач принес медицинскую карту своей бывшей сотрудницы, осмотрел кисть и сказал:

– Вес и рост медсестры позволяли ей иметь примерно такую же кисть.

Серж с надеждой ждал дальнейших слов. Однако врач не торопился с окончательными выводами:

– Позволяли, но не более... Нужно поднять архивы, найти ее рентгеновские снимки, сопоставить их со снимком этой руки. Дай бог, конечно, чтобы снимки сохранились, если медсестра их вообще когда-либо делала...

– Она могла их не делать?

Врач пожал плечами:

– Если была здоровой, то могла и не делать. Наверняка должны быть снимки легких и груди – их делают в обязательном порядке. А вот кости рук... Можно, я сделаю снимок этой кисти?

– Да, конечно.

Врач вышел и вернулся в кабинет через несколько минут, вернул найденную кисть Сержу:

– Снимок готов. Теперь я поищу в архивах. Если что-то найду, тут же вам позвоню.

Серж вернулся в отделение разочарованным. Связался с подчиненными, продолжающими прочесывать район. Ни у кого из них также не было ничего ободряющего:

– Никто не узнаёт драчунов по фотороботу... Никто об этих личностях ничего не знает...

– А третий? Тот, который давал интервью журналистам?

– С этим все просто. Телевизионщики сказали, что он сам позвонил им, позвал на место, пообещал, что расскажет о том, как все было. Кто он такой, они не знают. Оставил им после интервью номер своего телефона, но по нему никто не отвечает. Скорее всего «левый»...

Серж посмотрел на очередную чашку кофе и подумал о кальвадосе. Отогнав эту мысль, взялся за телефон, чтобы снова набрать Марию. Решил, если не ответит, то после работы надо будет заехать к ней, прояснить, наконец, все на месте. И точно в этот момент позвонили с незнакомого номера. Он подумал, что это снова журналисты, и сначала не хотел отвечать, но потом почему-то нажал кнопку и услышал знакомый голос.

– Я знаю обо всем, что случилось. Не звони пока. И не приезжай.

– Почему?

– Меня не выпускают из дома. Звоню с телефона молочницы, пока она здесь..., – Мария говорила быстро и шепотом:

– Но почему?

– Потому что...

– Почему «потому что»? Из-за учителя?

– Да... Родители остановили подготовку к свадьбе. Говорят, неизвестно, чем это дело кончится... Мол, как это: наша дочь выйдет замуж за убийцу...

– А ты что думаешь?

– Я? Ну, какой ты убийца? Я думаю, что все наладится, и мы будем вместе. Но, пожалуйста, потерпи, пока не звони и не приезжай, не беспокой их. И не обижайся на родителей. А я, я...

Серж не успел ответить: связь прервалась. Он набрал этот номер – без ответа. На всякий случай позвонил и на обычный номер Марии – также без ответа.

– Черт! – выругался инспектор и, стукнув кулаком по столу, отодвинул от себя недопитую чашку кофе.

Выйдя из кабинета и увидев, что в отделении остались только дежурные, понял – рабочее время давно закончилось. Но ехать домой Серж не собирался. И не только потому, что в съемной квартире его ждало неуютное одиночество и горькие размышления об учителе. У инспектора еще оставалась надежда узнать что-то важное от осведомителя, который только и делал, что собирал в Старом городе самую разную информацию. Серж с удовольствием встретился бы с этим человеком где-нибудь на улице или в парке, там, где не подают алкоголь. Но они договорились видаться в «Бешеном коте».

Осведомитель, наконец, ответил на телефонный звонок. Серж приговорил:

– Встречаемся на нашем месте через полчаса...

В «Бешеном коте» сел, как обычно, в дальнем углу. Огляделся. Пара небольших мужских компаний завсегдатаев, заливающих пивом усталость рабочего дня. Несколько бодрых проституток, у которых рабочая смена только начиналась. Осведомителя в зале не было.

Подошел официант. Серж заказал:

– Двойной виски.

Он не собирался пить. Тем более виски. Питье предназначалось для осведомителя, который был родом из Парижа и не любил ни родной коньяк, ни местный кальвадос.

Когда официант принес виски, Серж, сглотнув, попросил:

– И еще стакан воды

– Хорошо, – послушно откланялся официант.

Серж дождался воды, сделал несколько глотков и посмотрел на часы. Осведомитель опаздывал. Инспектор глянул на дисплей телефона: и сообщений не присылал. Однако чутье подсказывало, что осведомитель все-таки придет. Он служил Сержу не за плату и не за прощение мелких грехов. У Шарля, проходившего по документам инспектора под именем «Писатель», был другой интерес.

Серж время от времени делал глоток воды и бросал взгляды то на часы, то в сторону входной двери:

– Придет, – кивнул сам себе инспектор. – Никуда не денется!

Посмотрел на бокал с виски и перевел взгляд на телефон, который положил на стол. Из головы не шел разговор с шефом. Тот был прав: конечно, нужно встретиться, обязательно поговорить с женой раненого Донтерна. Серж даже залез в телефонную книжку, нашел нужный, заранее вбитый номер. Но не нажал на кнопку вызова. Еще раз глянув на часы, решил вновь отложить: «Уже поздно... Вот завтра с утра первым делом...»

Бросив телефон в карман, понял, что опять смалодушничал сегодня днем: специально оттянул мысли о жене учителя до вечера. И опять услышал голос шефа: «А может, тебе уволиться?.. Я тебя рекомендовал... Я возлагал на тебя большие надежды... Лучше все брось сейчас и займись чем-то другим, чем-то более подходящим для тебя. Тогда, может, сразу все у тебя наладится. И на работе, и дома...»

«И дома...», – подумал Серж о том, что родители Марии, похоже, собираются расстроить свадьбу, разлучить его с невестой.

– Как поживаешь, инспектор? – к нему подошла Леда.

– Спасибо, хорошо, – Серж нахмурился и по ошибке поднес ко рту бокал с виски. Почувствовав приятный запах, вздрогнул и поставил выпивку обратно на стол. Отпил из стакана воды.

Леда наклонилась к нему:

– Помочь скоротать вечерок?

Серж покачал головой:

– Спасибо, но я все еще на работе.

Проститутка вздохнула, кивнув:

– Я тоже на работе. Как-то сегодня не очень...

– А бывает очень?

– Бывает, – глаза Леды погрустнели. – Знаешь, бывает, встречаются хорошие люди. У нас в прошлом месяце одна девушка вообще замуж вышла. И я ведь могу выйти. Почему нет? Я же случайно оказалась в этом деле: надо было родителей выручать, болели очень. А я на сортировке овощей копейки зарабатывала. Вот и пошла туда, где можно было на нужные лекарства быстро насобирать. Теперь родителей уже нет, а я, я привыкла что ли, да и обратно на сортировку овощей не хочется. А что я еще умею, кроме как клубни в руках держать? Разве что домашнюю работу, как все женщины. И я бы ушла в домохозяйки – кто бы взял. Но кто теперь возьмет?..

– Неужто никто?

Леда пожала плечами и улыбнулась:

– Бог его знает. Говорю же, в прошлом месяце одна наша девушка замуж вышла, – посмотрела на Сержа. – И нам время от времени люди хорошие, как ты, инспектор, попадают. Я теперь очень надеюсь, что, как та девушка, познакомлюсь с приятным мужчиной из другого местечка Провинции или даже из-за холмов. И он купит мне розовый чемоданчик. Брошу в него все, что у меня есть, и уеду к нему. Рожу одного-двух, а может трех детишек: знаю, у меня это легко получится. Буду убирать дом, готовить обеды, смотреть в окно на проходящих мимо людей, на разных людей. Никто из них и не подумает подойти ко мне, потащить к себе в кровать или в машину. Не поверишь, но я буду хорошей, честной женой и матерью. Только бы увидеть этот розовый чемоданчик...

Серж улыбнулся:

– Я тебе верю, и, надеюсь, ты увидишь свой розовый чемоданчик. А сейчас, извини, не мешай, пожалуйста.

– Поняла, – повела плечами Леда. – Успехов тебе, мой сладкий!

Серж вздрогнул, вспомнив их ночь. Тем не менее мужественно произнес:

– И тебе!

Леда, сильно виляя крепкими бедрами, отошла, причалила к одной из компаний, где ей тут же налили рюмку.

Инспектор отодвинул от себя стакан с водой и вновь посмотрел на часы, потом на бокал с виски. Облизнул губы. Сглотнул и снова посмотрел на часы.

Дверь распахнулась: в бар стремительно вошел высокий, худощавый человек с длинными темными волосами по плечи. На нем были знакомые просторные джинсы и блуза с капюшоном. Серж облегченно отодвинул от себя и бокал с виски.

Шарль отчего-то был очень растерян, суетлив, сходу начал мямлить про долги, про неуважение местных журналистов, про отсутствие взаимопонимания с хозяйкой снимаемой комнаты. Но у Сержа сегодня не было никакого желания вникать в бытовые трудности осведомителя. Перебил его:

– Что ты знаешь о найденной кисти руки?

«Писатель» замер, лицо его напряглось. Он затеребил небольшую бородку, которую тщательно красил, чтобы скрыть появившуюся седину:

– О найденной кисти руки... О найденной кисти руки...

Инспектор спросил недовольно:

– Хочешь сказать, что ты об этом ничего не знаешь?

– Нет, нет, – запротестовал Шарль, – я в курсе. Просто тут вопрос с деньгами... Еще с лавкой продуктовой...

Серж наседал:

– Кто участвовал в драке возле ресторана? Кто подбросил пистолет учителю? Что ты знаешь об этом?

– Об этом ничего, – развел руками осведомитель.

– Так уж и совсем ничего? – искренне удивился инспектор, весьма полагавшийся на эту встречу.

– Ничего, – подтвердил «Писатель», – я и слушал всех, кого мог, и так ненавязчиво, как ты учил, расспрашивал. Но никто об этом не то что не говорит, но и говорить не хочет. Как будто никому не интересно, чья это рука, кто и зачем дрался. О чем много говорят, так это только...

– О чем?

– О тебе.

– Обо мне?

– Ну да, о том, что полиция отстреливает невиновных людей вместо того, чтобы ловить настоящих преступников.

– А они есть – настоящие преступники в Старом городе?

– Черт его знает... – Шарль вновь потеребил свою бородку и снова засуетился: – Ты не займешь мне сотку?

Серж посмотрел на него поморщившись. «Писатель» кивнул понимающе, вздохнул, но снова попросил:

– Ну, хотя бы полтинник?

Пока Серж доставал деньги из портмоне, осведомитель залпом допил воду из его стакана и встал из-за стола со словами:

– Мне еще кое-что нужно успеть сегодня, – выхватил купюру из руки Сержа и раскладывался, – все, что в моих силах, сделаю. Но пока ничего нет. А деньги отдам, отдам в следующий раз.

– Хорошо, – буркнул Серж. – Если будет что-то очень интересное – звони немедленно...

– Конечно, конечно, знаю – закивал Шарль, удаляясь от инспектора задним ходом. – Я бегу. Спасибо. Бегу...

Осведомитель развернулся и действительно выбежал из бара. Бешеный кот с большим запозданием прошипел ему в спину.

Серж взялся за оставленный полный бокал виски, повертел его в руке, посмотрел на свет и, снова вспомнив разговор с шефом, приговорил:

– Никаких зацепок... А может, и правда не мое это дело и пошло оно все к черту?!

Вздыхнул и влил в себя содержимое бокала. Крепкий алкоголь обжег губы, пищевод. Знакомое тепло стало быстро разливаться по всему телу, легким туманом дошло до головы. Инспектор махнул официанту:

– Еще один двойной..., – ему уже было все равно, что пить.

Потом он опять и опять подзывал официанта. Этот вечер превращался в такой же, как и все последние. Мысли в голове Сержа бегали, метались. Возле отделения, в улочках сектора «12–15» и рядом с районом Старого вокзала из ниоткуда возникали и в никуда пропадали шеф, помощник, учитель, невеста, Шарль, «свидетель» из телевизора...

Инспектор снова и снова вспоминал слова шефа: «Может, тебе уволиться?... Просто уступить место другому...» И еще слова Марии: «Родители остановили подготовку к свадьбе... Пока не звони и не приезжай, не беспокой их...».

В очередной раз «поговорив» про себя с начальником и невестой, резюмировал вслух:

– Я просто никому не нужен...

Сказал он это, видимо, очень громко, так что рядом остановилась проходящая мимо девушка:

– О чем вы?

Серж глянул на нее: рыжая, незнакомая. Наверное, из новеньких проституток, ведь как правило к такому позднему времени женщины обычных профессий уже покидают бар. Посмотрел внимательнее и подумал: «Хотя одета прилично... Но новенькие поначалу все стараются одеваться прилично».

– О чем вы? – обеспокоенно повторила девушка.

Серж ответил больше самому себе:

– Все о том же... Я ни-ко-му не нужен.

Девушка усмехнулась:

– Ну, вы на себя наговариваете. Симпатичный мужчина всегда кому-нибудь пригодится.

– Это точно, – согласился Серж и предложил, – особенно, если ему есть чем расплатиться.

– Что вы имеет в виду? – девушка нахмурилась.

Серж мотнул головой:

– Не обижайтесь. Посидите, выпьете со мной? Вдруг я вам сгожусь хотя бы просто в собеседники. Как вас зовут?

Девушка глянула в сторону дверей:

– Пока жду сестру, могу несколько минут посидеть с вами. Меня зовут Сицилия.

– Серж!

Представившись, он усмехнулся: девица – точно из новеньких. Наверняка нет у нее никакой сестры и ей пока еще нужен благовидный предлог, чтобы сойтись с клиентом поближе.

Она села напротив. Тут же подскочил официант. Но от кальвадоса, виски, вина, пива, водки, бренди девушка отказалась. Заказала сок. Серж удивился: «И о здоровье еще печется...»

Сицилия молчала, а Серж, расправившись с очередным виски и вернувшись к своим мыслям, вновь проговорился вслух:

– Ну и черт с ними! Как-нибудь обойдусь...

Услышал в ответ:

– А, может, стоит еще попытаться?

Непонятливо уставился на Сицилию:

– Что попытаться?

Та повторила, как будто не понимая, что он не понимает:

– Попытаться!

– Что попытаться?..

Разговора у них не получалось. Инспектор к этому времени уже слишком много выпил, и еще один виски, который он влил себя, опять же не закусывая, вновь сделал свое подлое дело: Сержа качнуло прямо за столом.

На лице девушки появился испуг:

– О, да вам уже пора домой.

Он согласился:

– Пожалуй, Сицилия, ты права, – и хотел уже пригласить ее к себе, но девушка отвлеклась на зазвонивший телефон. Закончив разговор и снова спрятав гаджет в сумочку, сообщила:

– Сестра не придет. Ее попросили остаться поработать во вторую смену. У нас на ткацкой фабрики иногда случаются такие авралы, – как бы задумалась. – Вы где живете?

Он назвал адрес. Она кивнула:

– Знаете, нам по пути. Так что помогу вам добраться.

Сначала Серж вновь удивился, как обычный человек: «Вот добрая душа...» Потом предположил, как полицейский: «Наверное, она из тех, что трясут пьяных клиентов. Вот будет забавно, если обчистит инспектора полиции. Да еще и в его же районе...»

Но противиться предложению Сицилии у него не было сил. Да и желания: ему так не хотелось оставаться одному, что он согласился бы и на то, чтобы на месте этой симпатичной девушки вновь оказалась Леда. Расплатившись, схватился за спасительную руку обладательницы рыжих волос:

– Идем!

Они вышли из бара.

– У меня, у меня здесь машина, – Серж махнул рукой в сторону парковки. Но Сицилия, прислонив инспектора к стене, поймала такси:

– Тебе за руль в таком состоянии нельзя. Пешком же нам с тобой будет тяжело. ....

Усадила инспектора сзади. Сама села не рядом, а впереди, что опять-таки удивило Сержа. Но думал он о новой знакомой недолго: мгновенно задремал покачиваемый в теплом салоне, так же, как это было и вчера во время поездки с Виктором. Инспектор даже повторил ту же фразу:

– Расскажи моему деду!..

Через несколько минут Сицилия разбудила его, трясая за плечо:

– Еще немножко усилий и... ..

Он не сразу понял, кто она и куда его тащит. Но послушно последовал, а у дверей квартиры даже сообразил достать ключ, сумел самостоятельно открыть замок.

Девушка, поддерживая Сержа за руку, помогла зайти в спальню, дошагать до кровати.

Инспектор рухнул, но снова засыпать не собирался. Потянул к рыжей девушке руки:

– Иди сюда!

Сицилия кивнула:

– Сейчас, – и ушла на кухню. Принесла стакан воды: – Вот сначала выпейте, это поможет.

Серж поморщился, не сомневаясь, что рыжая девушка добавила в воду какое-то сильное снотворное. Так делают специализирующиеся на пьяных клиентах проститутки. Сейчас он выпьет, крепко заснет, а утром ничего не сможет вспомнить: где был, с кем пил, кто его обворовал. Впрочем, из квартиры у него выносить было особо нечего. В портмоне денег имелось тоже немного. Вот только будут неприятности, если утащит служебное удостоверение и револьвер. Но – он усмехнулся – через три недели у него их и так отберут. Так что раньше или позже...

А пить между тем очень хотелось, и Серж послушно принял из рук девушки стакан: «Будь, что будет!» Жадно всосал в себя жидкость неопределенного вкуса...

4. «Спасение Бешеного кота»

Спал в эту ночь без кошмаров и вообще без каких-либо видений. Утром открыл глаза и тут же закрыл вновь, страшась, что свет больно ударит в похмельную голову. Медленно пошевелился: ничего не болело, не ломило. Смелее стащил с себя одеяло. Встал: в теле чувствовалась обычная утренняя бодрость, от которой он отвык за последние дни. Инспектор вспомнил вечерние события и посмотрел на кровать: похоже, что спал он все-таки один. Обошел квартиру: в доме больше никого не было. Полез в куртку: телефон, документы и деньги были на месте. Револьвер лежал на столе.

Серж присел на кровать и задумался: действительно ли его привела домой незнакомка. Не привиделась ли она ему? Но на столе стоял стакан, который девушка, вроде бы, подавала ему. В нем не осталось ни капли. Понюхал: ничего не учуял. Может быть, он сам наливал в стакан обычную воду? Но ведь и похмелья не было, а вчера снова изрядно набрался.

И все-таки одна улика нашлась: Серж заметил на куртке длинный рыжий волос. Покрутил его в пальцах: выходит, не проститутка была, просто хороший человек попался. Хороший человек по имени Сицилия... А вот осведомитель его надежд не оправдал. И подчиненные за весь вчерашний день ни одной хорошей новости не принесли. Серж вздохнул: сам он тоже ничего не нашел ни в архивах, ни в больнице.

Слово «больница» заставило его поморщиться. Вчера он дал себе слово отправиться с утра на встречу с женой учителя. Но это было вчера, сегодня же подумал: «А может, и правда не мое это дело и идет оно все к черту?! И тогда не нужно встречаться с родственниками раненного тобой. И вообще все проблемы сразу исчезнут...» Серж нашел взглядом пустой стакан. Но тут в памяти вдруг всплыли слова Сицилии, сказанные ею в «Бешеном коте»: «Может, стоит еще попытаться?.. Повторил вслух:

– Попытаться? Попытаться...

Он также вспомнил и слова шефа: «Такое ведь может случиться с каждым. И у меня похожий случай был. В самом начале моей карьеры... Это непросто перенести. Да, с этим непросто жить, работать дальше, но нужно. Если это дело твое, если не хочешь останавливаться, то и ты сможешь...»

Серж кивнул сам себе и, резко встав, достал из-под кровати гантели. Мышцы приятно, хотя и несколько удивленно, отозвались на нагрузку, которой не ощущали последнее время.

После зарядки принял душ, оделся, быстро позавтракал и уже собирался отправиться на службу, но, глянув на календарь, чтобы оценить, сколько еще осталось до Дня города, понял: сегодня суббота – выходной день, и без особой надобности в отделении появляться нет необходимости.

– Тогда... – сказал инспектор сам себе и достал телефон.

Однако, немного подумав, звонить на номер абонента «Мария» не стал. Снова забросил телефон в карман и решительно пошел на выход:

– Тогда – в больницу!

Машины рядом с домом не оказалось: вспомнил, что она осталась возле «Бешеного кота». Пошел пешком:

– В конце концов, Сен-Бьен не такой уж большой город...

От дома инспектора дошагать почти до любого важного городского учреждения можно было за полчаса. Приоткрыв дверь в палату, увидел: у постели все так же находящегося без сознания учителя сидит не его жена, а какая-то молодая девушка – тоже худенькая и тоже брюнетка, только волосы не длинные, а коротко стриженные.

Серж вошел и негромко представился:

– Я – инспектор Горевски! А вы?

Та сухо ответила:

– Женестьева – дочь..., – кивнула на учителя, – папы...

Серж продолжил:

– Видите ли, я хотел бы...

Но девушка прервала его:

– Подождите, я позову маму.

Она вышла из палаты. Сержу ничего не оставалось, как только смотреть на по-прежнему бледное лицо Марка Донтерна, на его слегка вздымающуюся под покрывалом грудь, на сердечный ритм, высвечиваемый на экране медицинского прибора.

Через несколько минут в палату вошла жена учителя – София. Серж знал, что она, как и муж, тоже преподает, только не литературу, а историю. Взгляд ее был одновременно и усталым, и строгим:

– Я вас слушаю.

Инспектор показал рукой в сторону коридора:

– Может быть, все-таки не здесь?

София согласно вышла, бросив ждущей за дверью девушке:

– Женестьева, вернись к отцу!

Молча преодолев лестничный пролет и несколько дверей, они оказались в больничном двореке. Серж торопливо произнес заготовленные по дороге слова:

– Видите ли, я хотел бы принести свои извинения. Я сочувствую вам и всей вашей семье. Безусловно, я виноват в этой трагедии. Если что-то можно было бы изменить...

Серж говорил, ожидая, что в любое мгновение жена учителя может остановить его: начнет стыдить, укорять, угрожать всеми земными и небесными карами, но София продолжала молча слушать. Глядя на ее ничего не выражающее лицо, подумал: «Возможно, она под воздействием каких-то успокоительных препаратов или просто очень сильно устала?»

– Я готов всячески помочь и Марку, и вам, и всей вашей семье. Если нужны кровь, деньги, еще что-то, вы только...

На этом месте жена учителя спокойно прервала инспектора:

– Спасибо, ничего не нужно. Все есть. Не беспокойтесь.

У Сержа тут же вырвалось незаготовленное:

– Это нелепая случайность... Я, я не хотел стрелять в вашего мужа.

Слова Софии поразили его:

– Я знаю.

Инспектор окончательно растерялся:

– Но как... Вы, вы – святая женщина.

София отрицательно покачала головой:

– Дело не во мне.

– А в чем? – не понимал инспектор.

– И не в вас, – продолжала София, думая о чем-то своем.

Серж так хотел ее понять и потому повторял:

– А в чем тогда? В чем?

София явно хотела что-то сказать, но колебалась. Вдруг из-за двери показалась Женестьева:

– Мама, скорее, скорее!

Жена учителя бросилась за дочерью. Серж, конечно же, следом. В палату, однако, их всех троих уже не пустили: в ней было несколько врачей, медсестра. Они что-то обсуждали рядом с постелью раненого.

Наконец, один из медиков вышел, объяснил:

– Кажется, это кризис, переломный момент, и лучше сейчас к нему никому не заходить, – потом добавил. – Подождите, пожалуйста, в коридоре. В палате пока будет дежурить медсестра.

Женевьева с матерью послушно сели на стулья рядом с дверью. Серж принялся нервно расхаживать по коридору, не зная, что делать дальше: остаться или уйти.

Когда он в третий или четвертый раз прошел мимо палаты, жена Донтера тихо обратилась к нему:

– Инспектор, здесь вы сейчас ничем помочь не можете. Отправляйтесь по своим делам, и храни вас Господь...

Серж согласно кивнул, потом покачал головой:

– Вы – святая... Дай вам бог сохранить мужа... – и напомнил: – Вы, кажется, хотели что-то сказать?

– Не сейчас, извините...

Инспектор вышел из больницы, не особо представляя, куда бы отправиться далее. Ноги сами вывели на Провинциальную улицу. Серж шел в Старый город и думал о странном разговоре с женой учителя. Он все пытался понять, что она имела в виду, когда говорила: «Дело не во мне... и не в вас...» Спрашивал теперь не ее – себя: «А в чем? В ком?..»

Также он возвращался мыслями и к суматохе в палате учителя. Инспектор очень надеялся, что кризис разрешится благополучно и раненый пойдет на поправку.

Дойдя до моста через Грай, Серж увидел на другом берегу небольшую толпу. Отвлечшись от размышлений об учителе, подумал: может, какой-то рыбак поймал форель невиданных размеров, и теперь все обсуждают такое знаменательное событие.

Никто не обратил внимания на подошедшего инспектора. Люди, стоящие рядом с мостом, глядели под него. Сооружению, соединявшему два берега Сен-Бьена, было более двухсот лет. Его живописный вид не раз запечатлели на своих картинах городские художники. Мост в одну арку был построен целиком из камня. В новые времена под сводом протянули невидимые снаружи современные коммуникации: трубы, кабели. Вот за них-то и указывали пальцами собравшиеся:

– Вон он! Вон он!

– Замолчал, а как орал-то!

– Может, у него сердце от страха лопнуло!

– А у кого бы не лопнуло?!..

Серж сходу предположил, что кто-то из местных ребятишек забрался во время игры под мост и теперь там плачет, не в силах выбраться обратно. В Старом городе было полно детей, пожалуй, здесь их наплодилось даже больше, чем в Новом. Серж почему-то решил, что под мост залез именно Девятый Питер – не очень-то законопослушный пацан, время от времени влипающий в какие-то переделки.

Раздвигая людей, поинтересовался:

– А чего никто не поможет?

Ему ответили:

– Кто ж туда полезет? Если сорвешься, так или о берег разобьешься, или в реке концы отдашь.

Действительно, опасность была немалой. Забраться по наклонной трубе не каждому под силу. Да и плавать в городе мало кто умел. Весной Грай, напоенный потоками, несущимися с гор, становился полноводным, но при этом холодным, грязным и бурлящим. Летом же в районе Сен-Бьена мелел так, что взрослому человеку становился по колено, но скорость его потока при этом почти не убывала. Если сойдет с ног, то встать вновь будет сложно: потащит по камням, выбросит в более медленное течение уже только за несколько километров от города, там, где в него вливается еще несколько речушек и ручейков, которые все вместе и расширяют водное пространство, и углубляют более мягкое, песчаное дно. Успокаивается Грай, становится

миролюбивым по отношению к купальщикам только вдалеке от Сен-Бьена – в тех местах, где рыбак выловил сетью отрубленную женскую кисть.

Серж пожал плечами:

– Ну, пожарных бы вызвали. Или полицию...

– Инспектор, так ты же здесь! – узнали его в толпе. – Лезь, если такой жалостливый.

Серж пробежал взглядом по лицам собравшихся у моста людей. Многих узнал. Заметил своего информатора Шарля. Подумал, что надо бы с ним поговорить: не узнал ли тот чего нового.

Из-под моста донесся звук, напоминающий стон. Кто-то прокомментировал:

– Силы, видать, кончаются у бедолаги.

– Держите! – Серж решительно стянул с себя куртку.

Сначала он поднялся по одной из труб вертикально. Это было непросто. В диаметре труба была больше обхвата пальцами одной руки, к тому же запотевшая, скользкая. Приходилось в основном опираться на ее крепления к стене. Но он все-таки справился. Лез, стараясь не слушать, что кричат из толпы:

– Сумасшедший!

– Лезет, не думая! – Расшибется!

– И все из-за мелкого пакостника...

Когда труба, следуя изгибу моста, начала «ложиться», стало, однако, не проще, а сложнее. Серж не мог ползти по ней сверху, так как между трубой и мостом мог поместиться разве что ребенок, но никак не взрослый мужчина. Инспектору пришлось передвигаться, зависая под трубой, цепляясь за нее и ногами. Но зато теперь руками можно было хвататься за удобные кабели, протянутые вдоль трубы. Серж очень надеялся, что изоляция исправна и его не шандарахнет током, не стряхнет вниз на камни или в воду.

Потихоньку продвигаясь, он, наконец, услышал совсем близко то ли писк, то ли плач. Представил себе, как, из последних сил вцепившись в кабели, держится между трубой и мостом пацаненок. Прибавил скорости и чертыхнулся, порезав ладонь о проржавевшую скобу. Быстро отсосал кровь с грязью из ранки, сплюнул в Грай и продолжил свой путь.

Через минуту-полторы инспектору показалось, что он достиг того места, где должен был быть ребенок. Однако не видел его. Между сводом моста и трубой было темно, а снизу глаза слепили солнечные блики от реки.

– Где он?! – крикнул Серж, обращаясь к толпе.

– Рядом с тобой должен быть, – ответили с берега, – протяни вперед руку.

Серж так и сделал. Тут же раздался нечеловеческий визг, и в руку инспектора кто-то вцепился так, что он чудом не сорвался. Серж инстинктивно сжал ногами трубу, а второй рукой – электрический провод. Боль в протянутой вперед конечности была такая, что сначала показалось, что его все-таки ударило током из пробитого кабеля. Он было потянул на себя руку, однако ее крепко держали. Серж напрягся и, несмотря на боль, дернул руку на себя. Снова раздался дикий визг, и на него из темноты выпрыгнуло чудовище. Серж чуть снова не свалился в реку.

Чудовище, отпустив руку, на этот раз крепко вцепилось в грудь и живот. Четырьмя конечностями. Серж, наконец, рассмотрел и понял: это был Бешеный кот из одноименного бара. Теряя последние силы, инспектор развернулся и двинулся по трубе обратно, неся на себе кота, не выпускавшего из когтей своего спасителя.

Инспектор чувствовал, что все-таки успеет добраться до берега, прежде чем окончательно обессилит. Представлял себе, как спрыгнет на землю, делая вид, что все это лазание под мостом ему ничего и не стоило. В кармане вдруг зазвонил телефон. «И черт с ним!», – подумал Серж. Он не собирался тратить силы на то, что бы лезть в карман за аппаратом. Продолжил свой непростой путь. А телефон все зывал и зывал. «Может быть, что-то важное?» –

возникла мысль в голове. И тут же его пронзило: «Мария!». Он вспомнил оборванный разговор с невестой: «Ей снова удалось добраться до телефона!»

Сил у инспектора оставалось совсем немного, но он не знал, когда у Марии получится в следующий раз набрать его. Поэтому разжал одну руку, чтобы достать звонящий телефон. Другая рука тут же почувствовала увеличившуюся нагрузку. Пальцы едва держались за трубу. Внизу шумел Грай. На берегу – жители Старого города. Они дружно ахнули, когда Серж повис на одной руке:

– Срывается!

– Сейчас грохнется в Грай!

– Ставлю десять к одному, что разобьется насмерть...

– Двадцать к одному!

Инспектор, нащупав нужную кнопку, нажал ее, приставил аппарат к уху, постарался говорить спокойно, ровно дыша, как будто он находится у себя в кабинете:

– Да, Мария!

– Извините, инспектор..., – раздался мужской голос. – Я по поводу рентгеновского снимка руки медсестры...

– А-а..., – от разочарования инспектор чуть не расслабился и не отпустил трубу, но тут же вновь напрягся, вспомнив о важности информации от врача больницы. – Что, что выяснилось? Это ее кисть?

Врач ответил не сразу. Серж про себя всю ругал его за эту медлительность: руки затекали, когти кота впивались все глубже, перед глазами от напряжения все чаще стали появляться звездочки. Инспектор боялся, что еще чуть-чуть и он не сможет контролировать себя: действительно сорвется, полетит в Грай вместе с Бешеным котом на груди и телефоном в руке. Серж не выдержал и поторопил:

– Так что, что вы узнали?

Врач разочаровал его:

– Это не ее.

– Почему?

– Сейчас я подойду к окну...

Прошло еще несколько секунд, за которые медик, видимо, действительно подошел к окну.

– Ну? – торопил его Серж

Врач снова откликнулся:

– На наше счастье нашелся рентгеновский снимок руки медсестры.

– И?

– Видите ли: у медсестры был перелом мизинца.

– Так.

– А у кисти, которую вы принесли, никакого перелома не оказалось.

От нового разочарования инспектор снова чуть не разжал уже дрожащую от перенапряжения левую руку.

– Значит, не она?

– Не она..., – подтвердил врач.

Инспектору хотелось просто выпустить телефон из руки, но он заставил себя поднатужиться и сунуть его в карман. Вновь схватился правой рукой за трубу. Отпустил левую, дав ей небольшую передышку. Потом напрягся и продолжил свой путь. На ощупь. Пот заливал глаза, но инспектор не мог его вытереть. Знал наверняка: если еще раз останется висеть на одной руке, то не выдержит и сорвется...

На берегу инспектора подхватили под руки жители Старого города. Хозяин бара, оказавшийся тут же, взял кота за шкурку и с большим усилием оторвал животное от Сержа:

– Вчера перед закрытием хотел налить ему воды, открыл клетку, а он как сиганул за дверь, удрал, паразит. И вот где объявился. Спасибо вам, инспектор!

– Не за что! – переводя дух, ответил Серж.

Все мышцы на его теле подрагивали от перенапряжения. Будь путь длиннее еще хотя бы на пару метров, он точно разбился бы. Но Серж не подавал виду, что очень устал. На трясущихся коленях присел на камень, чтобы завязать как бы распутившийся шнурок. Пальцы его также дрожали, поэтому он только чуть поправил крепко затянутый узелок.

Серж мысленно ругал себя на чем свет стоит: стоило ли так рисковать жизнью из-за какого-то кота. Мог, ведь, узнать, в чем дело, прежде чем лезть под мост по этой трубе и болтаться там над коварным Граем...

К сидящему на камне Сержу подходили, похлопывали по плечу:

– Молодец, инспектор! Такое чудовище спас!

Только Лысый Боб, проходя мимо, высказался весьма скептически:

– Если б все было так просто. Подумаешь, кота спас, тут люди гибнут...

Серж встрепнулся:

– Какие люди? О чем ты говоришь? Учитель жив.

– Не об учителе речь.

– Кхе-кхе...

Услышав кашель, Лысый Боб почему-то вздрогнул и заторопился – так же, как и во время их последней встречи на улице Роз: мгновенно растворился в толпе, продолжающей пялиться на кота. Серж не высмотрел ни кашляющего человека, ни осведомителя Шарля, который тоже исчез, видимо, не желая встречаться с инспектором.

Спасенное животное бешено вращало глазищами и то ли урчало, то ли рычало. Кот нервно дергался в руках хозяина. Но тот продолжал крепко держать его. Владелец бара, глядя на порез и глубокие кровавые царапины на руке инспектора, пригласил:

– Пойдемте ко мне, промоем кальвадосом.

Серж, вновь набрасывая куртку, согласился:

– Если только снаружи... Заодно машину заберу.

Оглядев руку, представил себе, какие у него раны на груди и животе. Определенно, не стоило лезть под мост без куртки. Но кто же знал, что там предстоит встреча с таким опасным чудовищем?

Когда вошли в бар и хозяин открыл клетку, казалось бы, смирившееся со своей участью животное вдруг извернулось и вцепилось и когтями, и зубами теперь уже в руку своего хозяина. Тот от неожиданности разжал пальцы. Бешеный кот в мгновение ока вновь вылетел за дверь заведения.

Хозяин бара схватился за раненую руку:

– Может, лучше, что б его больше никто не спасал. Теперь и меня надо промыть кальвадосом. Только уж, извините, я приму и внутренне. У меня, видимо, инспектор, нервы не такие крепкие, как у вас...

Серж расстегнул куртку и рубашку, и хозяин бара, увидев раны, покачал головой:

– Я бы на вашем месте сбросил эту тварь в Грай, а не тащил на себе...

Инспектор продезинфицировал руку хозяина принесенным кальвадосом. Тот проделал аналогичную операцию с телом Сержа, не забыв выплеснуть из бокала остатки жгучего и ароматного напитка себе в рот:

– Ваше здоровье!

На всякий случай хозяин бара перевязал порезанную ладонь Сержа:

– Что бы грязь не попала!

Если из больницы инспектор непонятно почему пошел в Старый город, то теперь, добравшись до машины, решил заехать в отделение полиции. Он не надеялся узнать там в субботу что-

то новое, но все-таки поехал. И, оказывается, не зря: новости были. В коридоре Серж натолкнулся на помощника, который хотя не дежурил, но почему-то в выходной день также оказался на рабочем месте. Лео, ничего не объясняя, сообщил:

– Как раз собирался звонить тебе!

– А что случилось?

– Пойдем, – увлек помощник инспектора за собой по коридору. По ходу обернулся к

Сержу: – Хорошо, что шефа нет сегодня, рыбачит где-то.

– А почему хорошо?

Лео заговорщицки глянул по сторонам:

– Как от тебя кальявдосом-то несет. Но имеешь право – сегодня же суббота.

Серж усмехнулся и показал на перевязанную руку:

– Это у меня боевые ранения подручными антисептическими средствами обработаны.

Расстегивать рубашку и показывать «благодарности» Бешеного кота не стал.

– А-а... – разочаровано произнес помощник и через пару шагов указал на одну из дверей: – Здесь.

В комнате за столом сидел дежурный полицейский. Напротив, на лавке, – человек, которого Серж почти сразу же узнал:

– Лжесвидетель! Любитель наврать с три короба! Человек от этих слов вздрогнул и втянул голову в плечи.

Инспектор спросил у дежурного:

– Откуда он здесь? Неужели совесть заговорила и сам пришел?

Дежурный усмехнулся:

– Заговорит у таких... Как же, дождешься...

Помощник объяснил:

– Патрульные его по фотороботу на вокзале взяли. У него уже билет был до Лара. Еще немного бы и смылся. А в Ларе залег бы на дно и ищи-свищи. Местные полицейские про него вскоре бы и забыли: фотороботы на растопку домашним раздали бы.

Серж заметил:

– Надо отметить бдительных патрульных в рапорте, – и снова спросил дежурного: – Что-нибудь уже рассказал?

Полицейский отрицательно покачал головой:

– Только что доставили.

Помощник, опережая распоряжения инспектора, начал допрос:

– Кто такой, где живешь, чем занимаешься? Почему выдал себя за свидетеля стрельбы у ресторана?

Задержанный объяснил все очень просто:

– Я из Лара приехал. Жена послала кое-что прикупить тут. Но я сразу, конечно, по магазинам не пошел: посидел в пивной в Старом городе. Познакомился там за кружкой пива с одним приличным человеком. За жизнь с ним поговорили, о том, о сем... А когда рассчитываться надо было, то оказалось, что я то ли кошелек потерял, то ли у меня его украли. Ну а новый знакомый, я говорю, приличный человек, он за мое пиво заплатил. И предложил еще денег на проезд, чтобы мне домой вернуться. Но взамен попросил услугу. Дескать, ему нужно подыграть, как бы подраться у ресторана: просто показать приятелям, которые внутри сидят, какой он крутой. Я, конечно, согласился. Это ж не в долг брать, ничего потом отдавать не нужно. Так что, как был подвыпивши, пошел с ним к тому ресторану. В общем, я только замахнулся, а он ударил меня пару раз несильно. Я, как и договаривались, побежал по улице. Так он мне еще выстрелил вслед, хотя вот об этом речи не было, слава богу: не попал. Ну, я и рванул так, что, думал, до самого вокзала не остановлюсь. Однако не молодой уже: пару кварталов проскакал и задыхаться начал. Зашел еще в одну пивную. И он за мной вскоре туда же: видел,

должно быть, куда я завернул. Говорит: все, мол, прошло отлично, друзья поверили, и он на мне деньги спорные выиграл, хорошие. И еще сказал, что может денег дать столько, сколько мне нужно было на покупки, за которыми я приехал. Но уже только завтра, и я за это должен рассказать телевидению то, что он скажет, только хорошо б лицо не особо показывать. Я так обрадовался, что домой вернусь хоть и без покупок, но с деньгами. Жена ругать не станет за потерю, а за покупками в другой раз съезжу, скажу, что сейчас нужного товара не оказалось. Так что заночевал я в гостинице, тут недалеко есть недорогая. Он меня туда поселил, а утром с телевидением свел. Я все, как ему надо было, сказал и лицо ладошкой как мог прикрывал... Оплату у него сразу на улице попросил, хотя договорились, что еще на дорожку с ним выпьем. Но я, как только деньги у меня снова в кармане очутились, сразу – на вокзал.

Серж понял, что нашелся один человек с фоторобота, который одновременно был и участником драки возле ресторана, и лжесвидетелем, выступившим по телевидению. Но второй, ненайденный, очевидно, был куда более интересен полиции. Заметил вслух:

– Может быть, и твое счастье, что вы больше не встретились.

Задержанный повел плечами:

– Кто его знает? Человек, говоря, приличный. Может быть, еще какой легкий заработок предложил бы.

Помощник ему кивнул:

– Или на тот свет отправил за большей ненужностью.

На это задержанный поморщился:

– Злой вы, видно, человек, зачем про хороших людей так плохо думать?

Серж вернул разговор в нужное русло:

– И что было дальше?

Задержанный почесал затылок:

– А что было дальше? Пришел я на вокзал, купил билет и всё... Нет, не всё.

– Что еще?

– Еще я это... не удержался и пиво с кальвадосом смешал. Маненько...

– Маненько, – передразнил помощник жителя провинциального Лара.

Серж же, поглядел на календарь, висевший и в комнате дежурного:

– Действительно, не всё.

Задержанный развел руками:

– Всё, господа полицейские.

Инспектор ткнул пальцем в календарь:

– По твоим словам, ты расстался с этим типом 10-го июня. А сегодня-то 13-е. Ты что, на вокзале три дня отирался?

Мужчина засопел и опустил глаза:

– На вокзале я тогда познакомился... с одной. Ну, у нее я эти ночи и дни... Но деньги не все потратил. Жена не заподозрит, – посмотрел умоляюще на полицейских. – Вы ей, пожалуйста, не сообщайте...

– Посмотрим на твое поведение, – ничего не пообещал ему Серж и, взяв со стола дежурного фоторобот второго драчуна, дал задержанному в руки: – Он?

– Похож, – взглядевшись в портрет, кивнул тот.

Помощник опять опередил инспектора:

– Что ты про него знаешь? Как его зовут? Где живет? Чем занимается?

Задержанный, подумав, вновь повел плечами:

– Ничего не знаю. Он мне ничего о себе не рассказывал. Денег дал достаточно, и слава богу!

Больше из него с ходу выудить ничего не удалось. Хотя уже и то, что он рассказал, проясняло многое. Один из «драчунов» оказался непричастным к ранению Марка Донтерна. А вот второй...

Выходя из кабинета вместе с помощником, Серж размышлял вслух:

– Надо искать второго. Он-то, судя по всему, местный и притом преступник матерый. Легко определил, что мужик – приезжий, обворовал его и расплатился с ним его же деньгами. Еще и знал, кому и как на телевидение позвонить. Непонятно только: для чего ему вся эта катавасия была нужна? Чем ему учитель досадил? Может какие-то дела в школе? С учениками?

Лео согласно кивал:

– Да, да... Может быть, – потом спросил: – Что с задержанным делать?

– Еще раз более подробно допросите. Всё, как положено, внесите в протокол...

– На какое время его задержать? Или отпустить: пусть домой едет, перед женой оправдывается.

– Нет, – Серж остановился и ткнул помощника пальцем неперевязанной руки в грудь: – Задержи-ка его еще на сутки. Нужно будет все проверить: может, наврал нам, как и телевидению. Завтра, с утра поводи его по тем местам, где он был: по всем этим пивным, в гостиницу зайдите и, конечно, к этой его знакомой. И чтобы его везде опознали, подтвердили его слова. И про второго там же поспрашивайте. Раз тот – местный и всё в городе хорошо знает, то, возможно, где-то знают и его.

Лео продолжал согласно кивать:

– Имеем все основания задержать на сутки. Я сам займусь его повторным допросом: вдруг, действительно, чего еще полезного вспомнит...

Серж зашел в свой кабинет, присел за стол, думая о задержанном. Потом мысли его снова вернулись к словам жены учителя и, конечно, к тому, что сказал Лысый Боб. Что тот имел в виду, когда говорил: «Подумаешь, кота спас, тут люди гибнут...»? Возможно, за этим стояло что-то серьезное. Но, возможно, так просто проявлялся ворчливый характер Лысого Боба, которому, как и его бедствующим соседям, друзьям, было очень непросто кормить свои семьи, выживать в Старом городе. Почему он сбежал, услышав рядом с собой кашель?

Между тем как только инспектор вспомнил в подробностях о происшествии у моста, то у него сразу засадил порез на ладони и еще дико зачесались царапины на руке, груди, животе. Он, однако, улыбнулся:

– Вот такие у меня первые боевые раны.

Спохватившись, позвонил шефу и доложил о задержанном на вокзале. Бертоф, находящийся где-то за городом, хотя и внимательно выслушал доклад инспектора, но ничему особенно не удивился: похоже он уже все знал. Кто-то явно опередил Сержа с докладом...

Несмотря на выходной день, инспектор вышел из отделения, когда уже стемнело. Остановился у крыльца, заглядевшись на небо: на нем красовалась огромная Луна. Она просто горела ярким рыжим пламенем. Казалось, что ночное небесное светило раскалено, как сковорода, и от него во все стороны расходится невыносимый жар. Но, может быть, Сержу просто было жарко от того, что воспалилась кожа вокруг нанесенных котом ран?

Налюбовавшись необычной Луной, инспектор шагнул к машине. Сесть в нее, однако, не успел. Его окликнул появившийся на крыльце отделения Лео:

– Тут такое дело...

– Что еще? Задержанный рассказал что-то новое?

– Нет, труп на улице Роз. Надо выезжать!

Серж кивнул на машину:

– Так садись, поехали!

5. «Труп на улице Роз»

Они быстро домчали до Старого города, повернули с Провинциальной на улицу Роз. Помощник уточнил:

– Дом двенадцать... Со двора.

Этот дом Серж помнил на память. Он ничем особо не выделялся на улице. Крепкий каменный дом в обычные три этажа. Во двор, правда, инспектор никогда прежде не заходил.

Свернули с улицы Роз в боковой тупичок. Оставив там машину, пешком вошли в просторный ухоженный двор, покрытый той же брусчаткой, что и сама главная улица Старого города. Сразу увидели: на потертых камнях, блестящих в огненном лунном свете, прямо рядом с домом лежит человек. Он как будто припал к земле ухом, вслушиваясь в звуки, исходящие из нее: так плотно была прижата левая сторона головы к брусчатке. Человек был мертв: он не дышал, а под головой натекла лужица густой черной крови.

Серж и помощник одновременно подняли головы: окно на последнем этаже было распахнуто. Лео тут же вынес вердикт:

– Самоубийство...

Серж еще ничего не успел сказать в ответ, как сзади раздался голос:

– Какое ж это самоубийство? Он гнался за ней...

Оглянувшись, они увидели наблюдавшего за ними мужчину небольшого роста, плотненького, со светлыми курчавыми бородой и усами. Длинные волосы и брови его также курчавились. На нем были широкие брюки, потертая кожаная куртка, под воротом которой виднелась клетчатая рубаша. Из одного кармана куртки торчал круглый кожаный футляр. Из другого – свернутая в рулон тетрадь и еще газета. Что-то выпирающее лежало в нагрудном внутреннем кармане. В руке мужчина держал складную подзорную трубу.

Серж не признал этого обитателя Старого города, как-то до сих пор не сталкивался с ним. Помощник же поморщился:

– Аристотель Костракидис – душевнобольной и фактически без определенного места жительства...

Серж тут же вспомнил его историю:

– Неужели тот самый?

Лео подтвердил:

– Тот самый.

Мужчина осмотрел полицейских глубокими, внимательными, хотя и несколько замутненными глазами. Потом указал свободной рукой на небольшой карниз, идущий под окнами третьего этажа и заворачивающий за угол дома:

– Вылез за ней и, – опустил руку вниз, – того...

Серж переспросил:

– За кем за «ней»?

Аристотель пожал плечами:

– За ней, за рыжей...

– А точнее?

– За ней, говорю, – буркнул мужчина и замолчал, глянув вверх, прищурившись на жгучую огненную Луну.

Потом он сложил трубу и сунул в футляр, который снова отправил во внешний карман. Из нагрудного внутреннего достал початую бутылку кальвадоса, посмотрел на труп, перекрестился, что-то сказал шепотом и сделал несколько глотков из посуды.

Лео подозрительно посмотрел на Аристотеля:

– Уж не ты ли его, батюшка?

Глаза мужчины гневно сверкнули отраженным лунным огнем:

– Раз я не в больнице, значит, здоров. А на кой черт мне его убивать? Говорю, – снова задрал голову, – гнался он за ней...

Лео посмотрел на инспектора и вновь поморщился:

– Больной человек. Что с него возьмешь?

Мужчина, однако, настаивал:

– Я здоровый!

Помощник снова глянул на него с подозрением:

– Что здесь делаешь?

Аристотель, казалось, удивился вопросу:

– За Луной наблюдаю. Двор подходящий: тихий и без искусственного освещения. Я тут не первый раз. А сегодня – видите? – какая особенная Луна. Не мог пропустить. Вы только посмотрите на нее...

Помощник инспектора только отмахнулся. Серж, также не обратив внимания на последние слова «астронома», продолжил осматривать труп. Хотя яркая рыжая луна била, как мощный прожектор, подсвечивал себе и карманным фонариком, который всегда имел при себе.

Перед ними лежал мужчина среднего роста. У него были крепкие руки с облезшей кожей на ладонях. Короткие ногти, изъеденные какой-то химией. На погибшем были просторные брюки из шелка и шелковая же рубаша – легкая и недешевая домашняя одежда.

– Удивительно!

– Что? – не понял Лео.

Инспектор присел, чуть повернул голову трупа и направил в его лицо луч фонарика:

– Видишь: один глаз зеленый, другой голубой.

Помощник кивнул:

– Да, случается.

Серж заметил еще:

– На правой щеке несколько царапин, – перенаправил свет фонарика: – И вот на руке тоже. Глубокие...

Царапины на теле самого Сержа тут же нестерпимо зачесались.

Помощник глянул вверх:

– Поцарапался о карниз, наверное, когда выпал из окна.

– Может, и так, – пожал плечами Серж и поднялся: – Надо установить личность. В этом доме должен быть консьерж.

– Я здесь, – вышагнул из-за его спины немного сутулый мужчина чуть выше среднего роста лет за пятьдесят. – Это я его тут под окном обнаружил и в отделение позвонил.

Консьерж вытер губы тыльной стороной ладони, но на его губе все еще оставалась приклеившаяся шелушинка семечки подсолнуха. Как и от Аристотеля, от этого человека пахло кальвадосом, который, впрочем, употреблялся денно и ночью по всему Сен-Бьену: кем-то умеренно, кем-то не очень.

Инспектор кивнул на труп:

– Знаете этого человека?

Консьерж еще раз безрезультатно попытался освободиться от шелушинки, потом выговорил:

– Конечно, как не знать, Давид Оболевич. Живет у нас уже почти год. Зарегистрирован. Все честь по чести.

Помощник тут же записал имя в блокнот. Серж продолжил задавать вопросы:

– Чем занимался? Что можете рассказать о нем?

Консьерж, наконец, сколупнул шелушинку с губы и пожал плечами:

– Что могу сказать... Спокойный. Нескандальный. Вообще незаметный. Работает на дому: по коже мастер. Приносит иногда мешки с сырьем. Тяжелые, большие... Я разрешил ему использовать ванную комнату под мастерскую. У нее своя вентиляция есть, и это последний этаж, так что по дому не пахнет, никому не мешает. Но грязь я ему запретил разводить. И он ничем не провинился, за квартиру платит, платил исправно...

Серж снова присел рядом с трупом, пристально взгляделся в него, потом поманил к себе ладонью Лео:

– Присмотрись-ка получше. Никого тебе не напоминает.

Помощник сначала кинул взгляд с высоты своего роста, затем тоже присел рядом с трупом:

– Подсвети-ка еще фонариком сбоку..., – качнул головой: – Да, похож. Определенно похож.

Инспектор перевел взгляд на помощника:

– Он еще в отделении?

Лео утвердительно кивнул:

– Конечно, ты же приказал его задержать.

– Пусть везут сюда немедленно.

Помощник тут же позвонил в полицию:

– Везите задержанного на улицу Роз, двенадцать!... Что значит: устал и спит? Мы еще на ногах. Пулей сюда! – убрав телефон в карман, отработовал инспектору: – Сейчас доставят.

Серж удовлетворенно кивнул и решил:

– Пока его везут, осмотрим квартиру, – спросил консьержа: – Ключ от этой квартиры есть?

– Э-э...

– Консьержу полагается иметь ключи от всех квартир.

– Конечно, полагается, – консьерж что-то себе быстро соображал и сообразил, наконец: – Но он сменил замок. Совсем недавно. И просто не успел дать мне дубликат...

– Ладно. Идемте с нами: возможно, придется ломать дверь.

У консьержа расширились глаза:

– А чинить потом за чей счет?

– За счет того, кто не имеет дубликатов ключей!

– А здесь кто останется? – помощник посмотрел на труп.

– Здесь... – начал было размышлять Серж, но увидел входящего во двор патрульного: – Здесь пока подежурит Шукрат.

Тот, обнаружив на месте преступления все свое непосредственное начальство, начал было оправдываться:

– Извините за опоздание, но только сообщили из отделения. А то я бы... Я же на другом конце...

Инспектор оборвал его:

– Все в порядке. Оставайся пока у трупа...

– Есть!

– Да, вот еще, – обернулся Серж к Аристотелю Костракидису, но спросил консьержа. – Знаете этого гражданина?

– Опять он здесь, – недовольно откликнулся представитель хозяина дома, – ранее выставлял его несколько раз со двора. Притащится и всю ночь в небо пялится.

– Но ничего плохого ведь не делает. За что же выставляете?

– После него по углам двора мочой воняет...

– Это не я, – запротестовал Аристотель, – мало ли кто у вас тут еще бывает и углы метит.

– Я знаю, кто бывает, – твердо сказал консьерж. – Только вот сегодня не заметил, как ты опять у нас объявился.

– Бог с ним, – прервал инспектор борца за чистоту двора и дома. – К разговору с этим субъектом мы еще вернемся. Идемте!

Серж, Лео и консьерж поднялись по широкой, когда-то шикарной, но и теперь весьма впечатляющей лестнице из горного камня с толстыми перилами, хранившими остатки золотой краски. На каждом этаже было по две квартиры. Сержу показалось, что через дверные глазки за ними наблюдают из всех жилищ, хотя во всех них было тихо.

– Эта! – указал консьерж на правую дверь последнего этажа.

– Ломать? – спросил помощник.

Серж в нетерпении легонько нажал на дверь, она распахнулась:

– Похоже, открыта.

Инспектор с помощником переглянулись и молча достали револьверы. Первым, держа оружие наготове, вошел Серж. За ним – Лео. Следом весьма трусоватый, но очень любопытствующий консьерж.

Из маленькой – буквально в два шага – прихожей они попали в большую освещенную и совершенно пустую комнату. Стены были ободраны. Казалось, здесь намечается ремонт. В глаза всем сразу бросились кровавые пятна на полу. Одни из них были крупными, другие – очень мелкими.

– Следы! – заметил инспектор, вглядевшись.

Да, это были кровавые отпечатки ног человека и... лап мелкого животного.

Помощник мгновенно определил:

– Кошка!

Он проследил, куда ведут следы – на подоконник, за окно – и заключил:

– Все ясно. Погнался за кошкой и сорвался. Верно, оказывается, бомж наш говорил: «Вылез за ней и того...» А я ему, было, не поверил.

Серж почти согласился, разглядывая следы:

– Очень, может быть, и кошка.

Консьерж, однако, пытался возразить:

– Не было у него кошки. Я запрещаю держать в доме животных. Чтобы не гадили и не орали по ночам, жильцов не будили и не мучили всяких с аллергиями и чиханиями...

– Бешеный кот! – сообразил Серж и тут же позвонил в одноименный бар: – Инспектор Горевски беспокоит. По поводу кота: он так и не нашелся?

Хозяин бара ответил:

– Кот уже на месте. В клетке. Не поверите – сам пришел! Видимо, набегался, проголодался. Отвык, должно быть, от уличной пищи, которую, оказывается, добывать приходится. Тут-то он на всем готовом: только пасть открывай да жри и лакай. Я вот его...

Инспектор прервал котовода:

– Давно явился?

Хозяин бара задумался:

– Да, уж... с час, наверное, назад...

Серж тут же обратился к консьержу:

– Когда обнаружили труп?

Тот посмотрел на наручные часы:

– Так и часу не прошло. Человек, должно быть, теплый еще...

Инспектор спросил вновь:

– А как долго, думаете, он пролежал до того, как вы его заметили?).

Консьерж пожал плечами:

– Может, минуту, может, две. Потому как я во дворе весь вечер сидел, и когда этот с трубой прошмыгнул непонятно... У нас парадное с улицы заперто уже неделю, замок там сломался, все починить не могут за столько-то дней. Вот я у двери со двора и сидел, семечки щелкал, о жизни размышлял, – почесал губу о губу. – Потом отлучился совсем ненадолго... ну, по нужде, – дыхнул он кальвадосом, – выхожу обратно, а голубчик с третьего этажа лежит и это, кровь из его головы медленно так ширится, густая. Я, конечно, сразу к телефону. Сначала хотел в «скорую» позвонить, но, видно было, мертвый он уже: не дышит... Да еще бы – с такой-то высоты головой о брусчатку...

– А пока вас не было во дворе, никто в подъезд не входил, никто из него не выходил?

– Нет, – убежденно закачал головой консьерж, – я бы непременно заметил. У меня ж комнатка на первом этаже. Дверь открыта, и я из кухни – от шкафчика, у которого я за стаканом... ну, по нужде, – все вижу: никто мимо не сновал.

Инспектор надавил пальцем на висок:

– Как-то все не очень сходится. Однако, если немного со временем ошибается и хозяин бара, и консьерж...

Любитель семечек и кальвадоса обиделся:

– Я никогда не ошибаюсь. Я считать умею: меня вокруг пальца не поставишь...

Серж продолжал размышлять вслух:

– Хозяин бара сказал «с час назад»... Для него пятнадцать-двадцать минут вперед или назад ничего не значат. Если так, то все сходится: кот был здесь. Набездобразничав, вернулся домой, в бар...

Помощник подхватил мысль:

– Залег на дно, гад, как настоящий преступник. Но следы-то оставил, по ним его и идентифицируем..., – обернулся. – Понятно, почему дверь открыта. Этот, – заглянул в блокнот, – Давид Оболевич, он, видимо, услышал мяуканье пробравшегося в подъезд кота и решил поинтересоваться...

Консьерж опять обиделся:

– Никогда у меня не было в подъезде котов.

Серж рассудил:

– Вы наверняка заметили бы шмыгнувшего в подъезд человека, а вот кота – далеко необязательно.

Консьерж опять дыхнул кальвадосом, на этот раз задумчиво:

– Пока справлял... нужду, кота, да, мог бы и не заметить. Он же – животное, по полу стелется...

Помощник вновь взял слово:

– Жилец, значит, услышал странные звуки, открыл дверь – вот она до сих пор открыта, – кот и шмыгнул в дом, – снова посмотрел в блокнот. – Давиду Оболевичу это не понравилось, и он решил выдворить животное обратно, гонялся за ним по всей комнате. Но взять Бешеного кота, – глянул на перевязанную руку инспектора, – дело непростое. Он поцарапал, а может, даже и покусал, – уже не глядя в блокнот назвал имя жильца, – Давида Оболевича, Ну а потом сиганул на окно. Обиженный и пораненный человек рванул за котом и, конечно, в горячке не рассчитал: сорвался с такого узкого карниза, – тут Лео облегченно вздохнул. – Так что все ясно: несчастный случай. Извините, инспектор, что побеспокоил ради такого простого дела. Мог бы и сам приехать, все оформить. Несчастный случай со смертельным исходом – чего тут особо расследовать...

Инспектор пропустил извинения и рассуждения помощника мимо ушей. Он еще раз глянул на кровь, размазанную по полу:

– Как-то ее многовато для тех царапин, что есть на теле разбившегося, – указал рукой на пятна. – И вот это – явно свежее, а это, кажется, не очень, – он перевел взгляд на Лео. –

Надо обязательно проверить личность погибшего. Примета у него ведь очень хорошая: один глаз зеленый, другой – голубой.

– Конечно, – тут же отозвался помощник. – Сверим имя, прогоним и по общей, и по криминальной базе, – огляделся по сторонам. – Хорошо бы найти документы, удостоверяющие личность. Я обыскал труп – при себе у Оболевича ничего не было.

Серж еще раз оглядел пустую комнату, потом прислушался:

– Слышите? – шагнул к стене и, осторожно открыв еще одну дверь, вошел в соседнее помещение.

Это была вторая комната квартиры, гораздо меньше, но ухоженная и явно жилая. Голубые бархатные шторы на окнах. Ореховый одежный шкаф в углу. Диван с ворсистым ковром-накидкой. Кресло, рядом – сползший или сброшенный мохнатый плед. Торшер с приглушенным светом. Журнальный столик красного дерева, на котором стоял небольшой приемник, а еще лежала стопка журналов с выкройками. Тут же были и карандаши, портновский метр, мелки, циркуль, коробка с сигарами, пепельница из малахита, зажигалка желтого металла. Под столиком стояло несколько нетронутых и початых бутылок: кальвадос, водка, ром, коньяк, виски, рядом валялись, видимо, скинутые с ноги домашние тапочки... Из приемника лилась негромкая приятная музыка, которую и услышал инспектор, находясь в другой комнате.

На краю пепельницы лежала истлевшая половинка сигары. Пепел с нее не осыпался, застыл серой шероховатой трубочкой. Рядом с пепельницей стоял бокал с недопитым напитком. Жилец, совсем недавно куривший и выпивавший, явно не торопился на тот свет. Что-то отвлекло его и от музыки, и от бокала, и от сигареты. Он не дослушал, не допил, не докурил...

Тут Сержа пронзила мысль, и он задался вопросом:

– Но как же должен был на лестнице вопить кот, чтобы его можно было услышать из этой дальней комнаты, да еще несмотря на музыку? Почему его не слышали в других квартирах? Или слышали, но не отреагировали? – Посмотрел на консьержа вместе с Лео, зашедшим следом: – Вы должны были слышать.

Представитель домовладельца замотал головой:

– Ничего такого я не слышал. Никто на лестнице не вопил.

Серж продолжал шарить взглядом по комнате. Свет торшера, отраженный от розовых обоев, покрывавших часть стен, становился еще более мягким. В комнате было тепло и уютно. Сержу, да, очевидно, и его спутникам, захотелось присесть на диван, закинуть ногу на ногу, налить себе что-нибудь из бутылок под столиком, сделать глоток, закурить сигару и под приятную музыку уложить усталый взгляд на эти розовые обои.

Инспектор никогда ранее не видел такой ласкающей взгляд бумажной ли, синтетической ли структуры. Он не удержался и потрогал обои: мягкие, даже нежные и так уютно отдающие теплом в руку. Вспомнил о невесте, вздохнул о желанной свадьбе и неизбежном последующем обустройстве семейного очага. Он представил такие красивые обои в их спальне и улыбнулся в уме сам себе: «Вот удивится Мария, когда я подскажу ей, чем надо оклеить стены». Тут же заинтересовался у консьержа:

– Где покупали такие?

Тот, проведя рукой по стене, откестился:

– Богатая вещь, но это жильца собственная придумка. Я, следуя воле хозяина адреса и будучи отчасти домоправителем, хоть и не запрещал делать ремонт, но и не разрешал.

Помощник, тоже пощупавший обои, вытащил из кармана лупу. Долго всматривался, потом удивленно констатировал:

– Это кожа... Натуральная кожа... Очень тонкой искусной выделки...

Консьерж шмыгнул носом:

– Я ж говорю: богатая вещь, – посмотрел под стол на бутылки. – Выходит, неплохо зарабатывал своим делом и не особо голосил про доходы. Скромный был. Я ж говорю: неприметный...

Инспектор попросил у помощника лупу. Долго рассматривал и, наконец, поняв, отшатнулся, глянул на помощника:

– Ты прав: это кожа... Натуральная кожа... Похоже, это – человеческая кожа.

– Не может быть! – отдернул руку консьерж, хотевший было еще раз погладить обои.

Помощник почесал затылок и снова потрогал розовое покрытие стен:

– В нашем деле все может быть: и самоубийство... и бешеный кот... и человеческая кожа на стене...

Серж, ожидая новых неприятных сюрпризов, распахнул одежный шкаф. Однако не обнаружил в нем ничего особенного: рабочая одежда, костюм, рубашки, нательное и постельное белье. Все ношеное, недорогое. Нашлись в шкафу и документы Давида Оболевича.

Консьерж продолжал глядеть на стены. Замер на месте, чтобы не подходить к ним, держаться посередине комнаты:

– Откуда же... откуда эта кожа?

– И так много? – спросил следом Серж помощника и самого себя, снова осматривая стены, покрытые розовым.

Ответа на этот вопрос в комнате, похоже, не было. Инспектор спросил консьержа:

– В этой квартире есть еще другие помещения?

Тот напряг память:

– Эта комната... Та, большая... Прихожую мы прошли, кухни здесь не предусмотрено... Еще есть большая ванная комната, в которой, как и говорил, я ему разрешил работать, там отдельная вентиляция есть.

Все трое отправились в не осмотренное еще помещение. Дверь в него была плотно закрыта. Когда Серж распахнул ее, то тут же сделал шаг назад: в нос ударил тяжелый запах. Воняло какой-то едкой химией наполовину с протухшими продуктами. У стены просторного, размером чуть ли не с первую большую комнату помещения стояли бидоны и бутылки с какими-то жидкостями. Рядом с ними лежали небольшие пластиковые мешки с неизвестными порошками. В дальнем конце ванной на веревках висел растянутый обрывок «обоев». В одном из углов валялись ножи, скребки, еще какие-то непонятные инструменты. На крючке – комбинезон, грязный халат. Под ними – резиновые калоши. Рядом на полочке лежали вымазанные в крови перчатки.

Серж прошел мимо унитаза и умывальника, отдернул занавеску, за которой, как он полагал, должна была находиться ванна. Он не ошибся. Перед ним была большая чугунная эмалированная ванна. В ней лежало человеческое тело без кожи. Уже не первой свежести. Именно от этой массы темно-красной плоти шел основной тошнотворный запах. На теле, в области живота, выделялись разрывы ткани – тяжелые ранения, которые могли стать причиной смерти.

Инспектор отступил назад, достал из кармана носовой платок, закрыл им рот и нос, потом снова подошел к ванне. Пошарив взглядом, нашел рядом палку. С ее помощью приподнял поочередно покрытые слизью, начавшие разлагаться руки. И у правой, и у левой отсутствовали кисти. Серж снова отступил:

– Это, должно быть, она... Возможно, именно ее кисть нашли в Грае.

Лео, морщась от запаха и так же едва сдерживая тошноту, подошел к ванне:

– Теперь, выходит, нашли и само тело...

Обалдевший и отчего-то шутившийся консьерж так и стоял на пороге помещения, не решаясь войти.

Серж и помощник вскрыли мешки, лежащие рядом с ванной. В одном оказались волосы.

– Натуральные.

– Человеческие.

В другом – женская одежда. За ванной на тумбочке горкой лежали украшения: цепочки, кольца, серьги, брошки...

Инспектор покачал головой:

– Судя по количеству волос и украшений, это не с одной девушки.

Помощник возразил:

– Но ведь никто ж не пропадал и не был убит!

Серж возразил на возражение:

– Если помнишь, этот труп тоже нигде пропавшим или убитым не числился, – посмотрел на растянутый обрывок «обоев». – Но кто же все эти остальные? Сколько всего их было?

Какая-то мысль мелькнула в голове инспектора. Он что-то хотел вспомнить, но не мог понять, что именно...

Помощник еще раз глянул в ванну, потом на мешки и на украшения:

– Если волосы, вещи и кожа находятся здесь, в ванной, и на стенах в той комнате, то где сами остальные тела?

Инспектор пожал плечами:

– Возможно, остальные тела мы уже никогда не найдем. Грай умеет хранить чужие тайны. Даже преступные... – спросил консьержа: – На какой срок арендована квартира?

Тот отступил в маленькую прихожую и ответил оттуда:

– Сказал, что надолго...бессрочно. А теперь вот срок, получается, вышел...

Инспектор еще раз посмотрел на тело в ванне, обвел взглядом всю комнату и тоже вышел в прихожую. На ходу сказал следовавшему за ним помощнику.

– Вовремя разбился, негодяй. Чтобы закончить «ремонт» во всей квартире, он бы еще немало душ загубил...

Консьерж, уступая дорогу полицейским, споткнулся о какую-то сумку. Она опрокинулась, и к ногам инспектора выпали пистолет, небольшое мачете, нож. Помощник, осторожно засунув весь этот арсенал обратно в сумку, заметил:

– Похоже, сдаваться он не собирался. Если бы дошло до задержания, то мог бы и подстрелить или порезать кого из нас. А нам бы пришлось стрелять в него.

Консьерж побледнел. Серж поморщился, вспомнив учителя. Кивнул Лео:

– Вызывай...

– Кельвина, – подсказал помощник.

– Да, – снова кивнул Серж, – нашего криминалиста. Пусть прежде, чем передавать тело в морг, изучит на месте останки пропавших девушек: этой, из ванны, и других – волосы, «обои»... Да, не забудь проверить имя преступника, сними с него отпечатки пальцев...

– Конечно, инспектор, – ответил Лео, а когда вышли из квартиры и спускались по лестнице, добавил, – Как замечательно все получилось: одним махом раскрыли дело с найденной кистью и преступника нашли. Так что дело можно закрывать.

– Да, уж... – безрадостно согласился инспектор, думая о своем: – А вот с трупа в ванне отпечатки не снимешь. Придется по каким-то другим признакам определять: кто же это погиб такой страшной смертью от рук... маньяка. И кто же все остальные пострадавшие?

Выйдя на улицу, троица остановилась. Все снова задрали головы:

– Карниз совсем узенький: только для кошки, человек сорвется...

– Вот он и сорвался.

– Как глупо. Неужели не понимал, когда погнался за кошкой?

– Да не было там никакой кошки! – раздался знакомый голос.

Рядом с домом по-прежнему стоял Аристотель Костракидис. Кальвадосом от него разило гораздо сильнее прежнего.

Инспектор на всякий случай поинтересовался:

– А кто же это был, если не кошка?

Аристотель поднял вверх палец:

– Она.

– Кто она?

– Она, – Аристотель задумался и, вытащив из-за пазухи бутылку, отпил еще, – или они?

– Бред сумасшедшего алкоголика, – махнул на него рукой помощник.

Аристотель ничего на это не ответил, а только допил остававшийся уже на доньшке кальвадос.

Серж не знал: стоит ли продолжать разговор с этим, если не с сумасшедшим, так точно весьма подвыпившим гражданином. Ничего не надумав, вынужден был отвернуться от Аристотеля: во двор ввели лжесвидетеля драки у ресторана. Помощник попросил его опознать лежащий на брусчатке труп:

– Узнаешь?

Задержанный даже не стал наклоняться и особо разглядывать, подтвердил с ходу:

– Это он!

– Точно?

Лжесвидетель развел руками:

– Как не он? Я же с ним пил, беседовал, вроде даже дрался ... Конечно, он. Кто ж его так приложил-то до смерти? Жалко человека. Помог мне, как никак...

Серж спросил:

– Какие у него глаза были?

Задержанный, не вглядываясь в лицо трупа, вспомнил по памяти:

– О, у него особые глаза. Один – зеленый, другой – голубой. Должно быть, болел человек...

Инспектор махнул рукой полицейскому, прибывшему вместе с задержанным:

– Отвезите обратно.

Лжесвидетель обрадованно попросил:

– Отвезите-отвезите обратно, не бросайте на улице, а то поезда сегодня больше уже нету. За гостиницу опять платить надо, а жена с меня за каждую монетку ведь потребует. Уж лучше у вас пообитаю... – и еще поинтересовался, – А завтра тоже в клетке держать будете?

Помощник ответил вопросом:

– А что тебе не нравится?

– Ну-у...

– А врать по телевидению нравилось?

– Ну-у...

Серж пообещал:

– Завтра тебя еще раз допросят, все запротоколируют и к поезду, возможно, отпустят. Но что б потом с места проживания никуда не отлучался, пока не разрешим.

– Это я согласен, господин начальник. Да меня жена теперь, наверное, долго не отпустит. Пока не поверит в те чудеса, что я ей расскажу по приезду...

Лео поморщился:

– Никто твоего согласия и не спрашивает.

Задержанный учтиво повторил помощнику:

– Это я согласен, господин начальник.

Полицейский повел задержанного к машине, стоящей, как и автомобиль Сержа, в тупичке у дома. За ними двинулись несколько зевак, несмотря на поздний час быстро собравшихся на слух то ли об убийстве, то ли о самоубийстве.

Инспектор поручил помощнику опросить жильцов дома:

– Может, кто-то что-то еще видел... Но это завтра, сегодня уже поздно. Могут и дверь не открыть...

– Кхе-кхе...

Это кашлял кто-то из зевак, которые, очевидно, удовлетворив любопытство, уже выходили со двора. Решив, что их тоже надо на всякий случай опросить, бросил вслед:

– Стойте!

Но зеваки уже свернули за дом, не слыша его. Серж кинулся за ними. Когда выскочил со двора, в тупичке никого не увидел. Он выбежал на улицу Роз: на ней тоже никого не было. Зеваки, от которых инспектор отставал на каких-то пару десятков шагов, словно растворились в воздухе. Нигде не хлопнули ни входные двери, ни окна. Не было звуков ни удалявшейся машины, ни мотоцикла или даже велосипеда. Серж, сердясь на себя за то, что сразу не опросил зевак, вернулся в тупичок. Во двор заходить не стал. Сел в машину и поехал домой.

Улица Роз была пустынна. Только свернув на Провинциальную, инспектор увидел фигуру человека. Приближаясь к нему, сбавил газ, пригляделся: вдруг это кто-то из тех, кого он пытался догнать возле дома номер двенадцать по улице Роз. Но эта фигура была женской, а среди зевак, Серж точно помнил, представителей слабого пола не было. Так что инспектор разочарованно проехал мимо. Добавил, было, газу, но тут же резко ударил по тормозам: он узнал обладательницу фигуры.

6. «Встреча с учителем»

Новый день начался, как дежавю. Сержа разбудили телефонные звонки: один, второй, третий... И в этот раз он не сразу схватился за трубку. Не потому, что сопротивлялось усталое разбитое тело, а потому, что бунтовало само сознание. Сон был настолько медовым, тягучим, что Серж не хотел выходить из него, пытался сохранить это безмятежное, приятное состояние хотя бы еще минуту, и еще одну, и еще...

Очередной звонок заставил его все же открыть глаза. Инспектор протянул руку и нащупал телефон на стоящем рядом с кроватью стуле. На экране высветилось несколько номеров, с которых его набирали. Как и в прошлый раз, только два знакомых: Марии и помощника. По незнакомым он отвечать опять-таки не собирался. Невесте решил позвонить позже, после того, как выяснит, из-за чего снова поднялась такая телефонная суматоха.

Серж сладко зевнул во весь рот и набрал помощника. Лео, как и в прошлый раз, с ходу затараторил:

- Тут такое, тут такое...
- Какое-такое?
- Включи телевизор.

«Точно дежавю», – подумал Серж и, встав с кровати, стацив с ноги болтающийся на ней носок, включил телевизор. Увидел на экране двор дома номер двенадцать по улице Роз. На освещенной теперь уже солнечным светом мостовой вместо человека – его обведенный мелом силуэт. Труп, как и должно было быть, увезли еще ночью. Тот же, что и в прошлый раз, корреспондент с микрофоном в руках указывал на удаляющегося консьержа:

– Вот такие подробности о ночном происшествии мы узнали от практически участника события. Да, уважаемые граждане, мы и не подозревали, что в нашем городе орудует жестокий маньяк. Однако теперь, как нам удалось узнать, благодаря грамотным действиям замечательного инспектора Сержа Горевски город может бодрствовать и спать спокойно – преступник мертв и никому больше ничем не угрожает. Мы должны гордиться нашей полицией. Она умеет и может устранять опасность, когда мы даже еще не знаем о ней...

Почесав затылок, Серж набрал помощника:

- Ты в отделении?
- Да, я же дежурю сегодня.
- Что там у нас?

– Ничего особенного. Скоро закончу формальности с задержанным лжесвидетелем и, как ты распорядился, отпущу его. Пусть едет в свой Лар. Жена ему, чувствую, устроит продолжение веселой жизни.

– Хорошо... Шеф?

– Он в курсе всего и все еще на рыбалке. Сегодня же воскресенье.

«В том, что шеф в курсе, не сомневаюсь», – сказал Серж про себя. Помощник добавил:

– Так что можешь спокойно отдыхать до понедельника. По вчерашнему делу я сегодня также, кого нужно опрошу, запротоколирую и завтра тебе предоставлю все материалы в готовом виде.

«Но сначала их, наверное, увидит шеф», – снова заметил Серж про себя, а вслух произнес:

– Молодец, надеюсь на тебя. Значит, говоришь, нет смысла приезжать сегодня?

Помощник заверил:

– Абсолютно нет. Если, конечно, не хочешь пообщаться с журналистами, они опять целым стадом рядом с отделением пасутся. Комментарии добиваются.

– Никаких комментариев пока!

– И я того же мнения.

– Хорошо. До завтра. Звони, если что! Небольшое напряжение, вызванное необходимостью звонить помощнику, спало: и с делом о найденной кисти было покончено, и со лжесвидетелем.... У Сержа на сердце снова стало почти легко и спокойно. Почти. Он набрал Марию. Та очень обрадовалась:

– Видишь, родители отдали мне телефон.

– Прекрасно!

– И разрешили выходить на улицу!

– А видеться со мной?

– Не только видеться. Они даже пригласили тебя сегодня на вечерний чай!

– Потому что замечательный инспектор Серж Горевски спас город от маньяка?

– Не вредничай! Пригласили, и слава богу!

– Ну да, ну да...

– Значит, никаких задержек больше не будет и все опять пойдет по плану. Я так перенервничала и из-за пригласительных билетов, и из-за ресторана, и из-за свадебного платья...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.